

ГЛАВА 1

РУССКИЕ НА УКРАИНЕ

1.1

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

Две крупнейшие ветви восточных славян, вышедшие из единого этнокультурного корня, изначально формировались в пределах общей системы расселения, сложившейся еще в домонгольский период развития Руси. Раздельное политическое (в значительной степени и социально-экономическое) функционирование крупных регионов, некогда составлявших Древнерусское государство, на протяжении XIV–XVI вв. привело и к оформлению самостоятельных этнокультурных сообществ, составивших в дальнейшем русский, украинский и белорусский народы.

Ядерные ареалы данной, растянувшейся на века этноконсолидации были разнесены в пространстве, но периферия формирующихся народов не просто соприкасалась – на многих направлениях она могла долгое время представлять почти единый массив населения со слабо выраженной этнокультурной спецификой, совмещавшей черты двух (а местами и всех трех) восточнославянских сообществ.

Тем более что эти широкие полосы этнокультурного лимитрофа, как правило, совмещались с государственным порубежьем, разделявшим Московскую Русь и ее западных соседей – Великое княжество Литовское, а потом и Речь Посполитую. Именно государственная принадлежность таких периферийных восточнославянских территорий в конечном счете и определяла этнокультурную принадлежность местного населения – становилось ли оно со временем великорусским или постепенно приобретало малороссийские/белорусские языковые, бытовые, социокультурные (в т.ч. ментальные) характеристики.

Процесс этнической консолидации и самоидентификации данных пограничных сообществ могла существенным образом осложнять и удлиннять неоднократная смена их государственной принадлежности. На протяжении веков силовое соотношение между Московской Русью и Литвой, а затем Польско-Литовским государством многократно менялось, и пограничные районы восточнославянского ареала попеременно переходили под юрисдикцию более сильной стороны¹.

К моменту поступательного вхождения в состав России (вторая половина XVII в. – XVIII в.) малороссийского («протоукраинского») демографического массива его социоэтнокультурная специфика уже вполне сложилась. И соответственно лимитроф, в пределах которого сходились два этнокультурных ареала, был достаточно отчетлив. Сколько-нибудь значительного смещения данной пограничной полосы, тем более ее «растворения», не происходило. Достаточно ограниченными оставались и масштабы этнического взаимопроникновения.

Русским крестьянам не имело смысла переселяться в пределы густонаселенной Малороссии, в которой малоземельность ощущалась столь же (если не более) остро, чем в демографически плотном великоросском центре. Не возникало обратного желания и у малороссийских поселян. Соответственно, этническая инфильтрация между двумя плотными ареалами расселения ограничивалась пограничными перемещениями, позволявшими даже не столько территориально смещать этнокультурный лимитроф, сколько изменять удельное соотношение русских и украинцев на отдельных его участках, а на других – несколько расширять зону совместного проживания.

Но и в таких районах совместность означала чересполосное размещение двух народов. Иными словами, если русские постепенно «заходили» в пределы малороссийского этнокультурного ареала (или происходило обратное движение), то, как правило, речь шла не о «подселении» в существующие населенные пункты, а о создании собственных моноэтнических поселений. При этом глубина такого взаимопроникновения оставалась ограниченной, переселенцы старались далеко не отрываться от материнского ареала.

¹ Некоторые из таких районов (смоленские, брянские, курские, белгородские земли) в конце концов стали частью русского этнокультурного ареала с более или менее значительным присутствием украинцев; другие (черниговские, новгород-северские земли) оформились как часть украинского этнокультурного пространства, с примесью русского населения. Причем масштаб данных взаимных этнокультурных вкраплений с течением времени колебался под воздействием самых разных факторов.

Но к югу от центральных ядер расселения обоих народов лежали малонаселенные земли, которые и стали основным направлением совместной колонизации. Уже в XVII в. начали осваиваться земли по Северскому Донцу, получившие название Слободской Украины (нынешняя Харьковская и Сумская области). А в следующем столетии, усилившись, Российская империя в несколько этапов присоединила обширные пустынные территории Северного Приазовья и Причерноморья.

Степная полоса шириной в 150–300 км, вытянутая от Днестра и Буга до Дона и Кубани, со второй половины XVIII в. начала быстро обживаться мигрантами из малороссийских регионов и русского центра. На каждом из участков этого колонизируемого пространства соотношение русских и украинцев – двух основных этнокультурных групп, формирующих местное население, было различным и менялось во времени. Но в целом появление нового имперского макрорегиона, в дальнейшем получившего название Новороссии, существенно расширило пространство русско-украинского этнокультурного «общегития».

При наличии множества факторов, определявших соотношение русского и украинского колонизационных потоков, центральную роль играли два: территориальный – близость/удаленность осваиваемых территорий от места выхода переселенцев и общий демографический потенциал колонизации, определяемый численностью трудоизбыточного населения, готового участвовать в колонизации.

Северо-западные и северные районы Причерноморья (территории современных Одесской, Николаевской, Херсонской областей) располагались в 100–200 км к югу от густонаселенного украинского этнокультурного ядра. Масштабный приток на эти территории малороссов был самым естественным вариантом колонизационного движения и определил их полное количественное доминирование среди переселенцев с первых же этапов освоения.

Но и на землях, прилегавших к северным берегам Азовского моря (юг будущей Екатеринославской губернии), украинцы уже в середине – второй половине XVIII в. также составляли основную массу колонистов. Причем еще в первой четверти столетия на данных землях количественно доминировали русские, составлявшие в 1719 г. более 80 % местных жителей. Коренной этнодемографический сдвиг пришелся на 1730-е гг. С одной стороны, он был связан с опустошительным татарским набегом 1736 г., серьезно сократившим русское население, с другой – объяснялся резко возросшим притоком украинских переселенцев, которые не только с избытком восполнили потери местного населения, но и кардинально изменили его этническую структуру (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Доля русских и украинцев на территориях Екатеринославской губернии в границах XIX в. (%)¹

Национальности	1719 г.	1744 г.	1763 г.	1795 г.
Русские	80,4	19,6	9,2	11,2
Украинцы	19,6	80,4	82,8	79,8

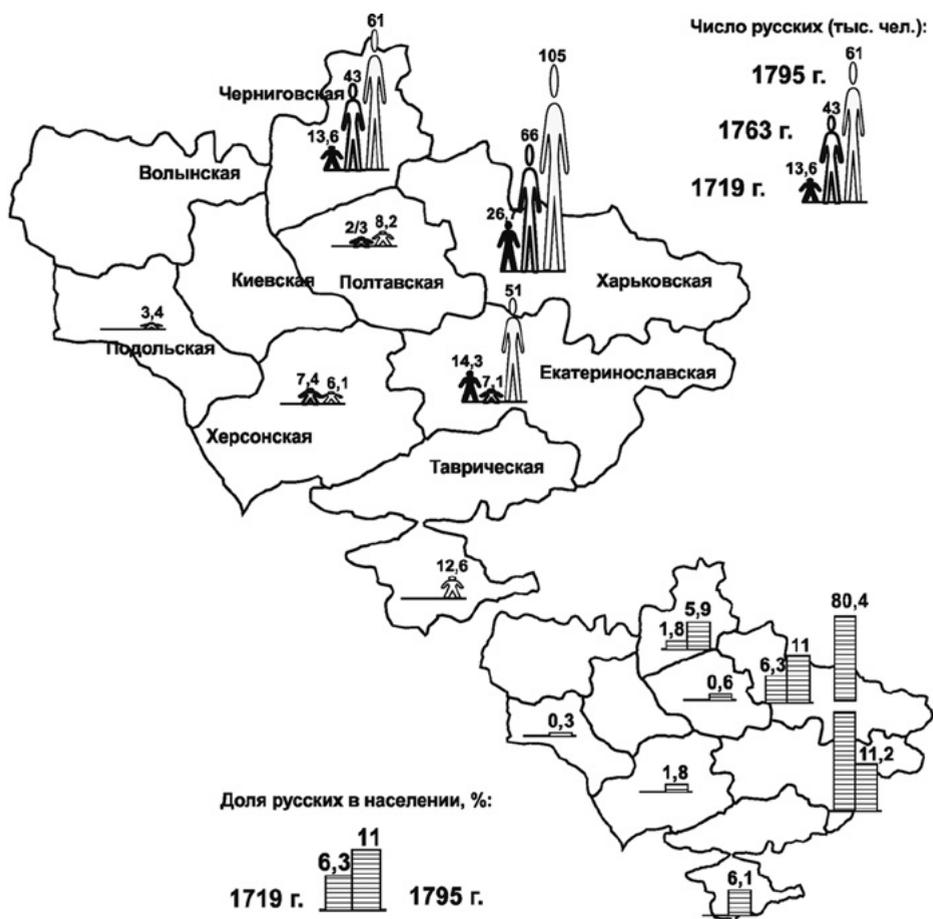

Рис. 1.1. Русское население в Малороссии и Новороссии, 1719–1795 гг. (тыс. чел.)

¹ Сост. по: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 45, 285; Его же. Украинцы в мире: динамика численности и расселение (20-е гг. XVIII в. – 1989 г.). М., 2006. С. 430.

Но сама легкость подобной трансформации в значительной мере объяснялась начальной стадией хозяйственного и демографического освоения данных территорий, общей малочисленностью местного населения. В 1719 г. в территориальных пределах будущей Екатеринославской губернии проживало всего 17,9 тыс. чел. (14,4 тыс. русских и 3,5 тыс. украинцев), которое было сосредоточено в северных ее уездах. Потеря даже нескольких тысяч жителей во время татарского набега должна была существенно сократить демографический потенциал местного русского населения. Потребовалось не так много малороссов, чтобы включить данную территорию в область своего этнического ареала. К середине 1740-х гг. население на данной территории выросло до 42 тысяч, а соотношение двух восточнославянских этнических групп стало обратным (33,7 тыс. украинцев и 8,2 тыс. русских).

Показательно, что даже район Нижнего Подонья, устойчиво входивший в систему расселения донского казачества, в последние десятилетия XVIII в. начинает заполняться выходцами из Полтавской и других областей Малороссии. Исключительная роль принадлежала малороссам и в заселении приазовских районов будущей Кубанской области (Таманский полуостров и правобережье Кубани вплоть до впадения Лабы, составившие землю Черноморского казачьего войска). Данные территории вошли в состав Российской империи по Кючук-Кайнаджирскому мирному договору и были заселены в 1790-е гг. почти исключительно украинцами – переместившимися сюда запорожцами и выходцами из Левобережной Украины.

И в данном случае первостепенную роль играл уже не пространственный фактор, а более значительный демографический колонизационный потенциал малороссийского этнокультурного ареала, имевшего существенно большую плотность населения, чем великорусский центр (а значит, и более высокую степень крестьянского малоземелья). Сказывалось и активное участие населения русских губерний в освоении огромного Зауралья, оттягивавшего большую часть переселенцев и существенно ограничившего масштабы южного направления русской колонизации.

Таким образом, присоединение к империи Северного Причерноморья и Приазовья прежде всего существенно расширило украинский этнокультурный ареал. И численность русских в территориальных контурах современной Украины (без Крыма) в начале XVIII в. составляла всего 54 тыс. чел. К началу 1760-х гг. этот показатель вырос в 2,5 раза (до 130–135 тыс. чел.), но основная масса русского населения по-прежнему располагалась на землях

Слободской Украины (Харьковская губерния). То есть на деле речь идет об этнокультурном лимитрофе – территориях, в советский период включенных в состав Украинской ССР.

Число русских внутри самого малороссийского этнического ареала в середине XVIII в. оставалось минимальным. А в пределах Новороссии они в это время, как уже отмечалось, присутствовали в Екатеринославской губернии. На 1750-е гг. приходится появление группы русских старообрядцев в пределах Херсонской губернии. Во второй половине XVIII в. эта география несколько расширяется за счет появления небольшого числа русских в Крыму и старообрядцев в Подолии.

К концу XVIII в. численность русских возрастает до 250 тыс. чел., но основная их масса по-прежнему приходится на территориальную «окантовку» малороссийского этнического ареала, захватывающего земли трех губерний – Харьковской (Змиевский, Старобельский, Изюмский уезды), Екатеринославской (Славяносербский, Бахмутский уезды), Черниговской (Стародубский и Новозыбковский уезды).

XIX столетие сохранило уже сложившиеся этнодемографические тренды. Русских в пределах плотно заселенных малороссийских губерний по-прежнему очень мало. Зато территории Новороссии активно колонизируются представителями обоих народов. Как и раньше, помимо украинцев и русских, на данных землях селились представители других национальностей (немцы, евреи, молдаване, сербы). Но, несмотря на отчетливую полиэтничность населения Северного Причерноморья и Приазовья, украинцы в составе этого региона продолжали количественно доминировать, иногда составляя значительное большинство¹.

Следует, однако, отметить отчетливо сельский характер украинской колонизации новороссийских губерний². Переселенческий поток, формируемый малороссами-крестьянами, огибал города, массово оседая на присоединенных землях и формируя плотную систему сельских поселений. Русских переселенцев было значительно меньше. Но, являясь более разнообразными по социальному составу, включавшему, помимо земледельцев, немалое число торговых людей и ремесленников, они охотней селились в городах. В результате

¹ Так, на протяжении всей первой половины XIX в. доля малороссов в населении Екатеринославской губернии колебалась в пределах 78–79 %, снизившись к концу этого периода до 69 %.

² Согласно административно-территориальному делению конца XIX – начала XX в. Новороссия в узком смысле включала три губернии – Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую; в широком – также Бессарабию, Область Войска Донского и Кубанскую область, Черноморскую и Ставропольскую губернии. В данной работе Новороссия рассматривается в узком варианте (в составе трех губерний).

разные уровни системы расселения Новороссии приобретали заметную этническую специфику – малороссийская по своему населению сельская местность заключала городские центры со значительной долей русских и в целом с очень пестрым национальным составом горожан.

К середине XIX в. несколько увеличилась доля русского населения и непосредственно в малороссийских губерниях (Киевской, Подольской, Волынской), в которых, впрочем, их удельный вес по-прежнему измерялся долями процента. В губерниях Новороссии русских было немного. Однако численность их росла быстрыми темпами.

Таким образом, география русского расселения в территориальных контурах современной Украины к этому времени еще отчетливее приобретает вид подковы. К вытянутой дуге, идущей по северо-восточным границам малороссийского этнокультурного ареала (земли Черниговской и Харьковской губерний), добавляется азово-черноморский «отрог» расселения, вытянутый вдоль северного побережья, – от Мариуполя и Таганрога до Одессы и Измаила. Данная «подкова» заключала уже около 750 тыс. русского населения – в три раза больше, чем на рубеже XIX в.

Еще более ускоряется пространственный и демографический рост русских в пореформенные десятилетия. В это время наряду с губерниями Новороссии переселенцы из центральной России всё чаще появляются и в пределах самой Малороссии. За период 1858–1897 гг. число русских в Киевской губернии возрастает почти в 27 раз, на Волыни – на математический порядок, кратно растет в Полтавской и в Подольской губерниях. Существенно увеличивается русское население и в губерниях Новороссии.

К концу XIX в. в пределах Украины уже проживает около 2,7 млн русских (в 3,5 раза больше, чем в конце 1850-х гг.). Но столь значительно нарастив свой демографический потенциал, они сохраняют основные расселенческие черты своей географии и преимущественную концентрацию в городах. Особенно заметной эта особенность была в губерниях Новороссии, в которых русские горожане на рубеже XX в. превосходили по численности местных украинцев, хотя в сельской местности уступали им многократно.

Максимальной была концентрация русских в региональных «столицах» (рис. 1.2). В пяти из девяти губернских центров русские в конце XIX в. количественно доминировали, но и в остальных составляли 20–30 % горожан, как правило, лишь незначительно

уступая столичному показателю и многократно (если не на порядок) превышая удельный вес русского сельского населения. Исключением являлась Черниговская губерния с большой группой русских сельских старожилов.

Рис. 1.2. Форма расселения русских в Малороссии и Новороссии, 1897 г.¹

Но в целом масштабы присутствия русских в новороссийских губерниях и Малороссии, как и раньше, различались весьма существенно. Причем в пределах своего исторического этнокультурного ареала (Подоллия, Волинь, Киевская и Полтавская губерния) украинцы количественно превосходили русских даже в городской среде. А в сельской местности их демографический перевес был подавляющим. Определенное исключение составляла только Киевская губерния, точнее сам Киев, в котором к концу XIX в. уже преобладало русскоязычное население.

¹ В данной и следующих картах, а также в таблицах использовались материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php), всесоюзных переписей населения 1926–1989 гг. и всероссийских переписей населения 2002–2010 гг. (URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg-89.php?reg; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php – 10 php).

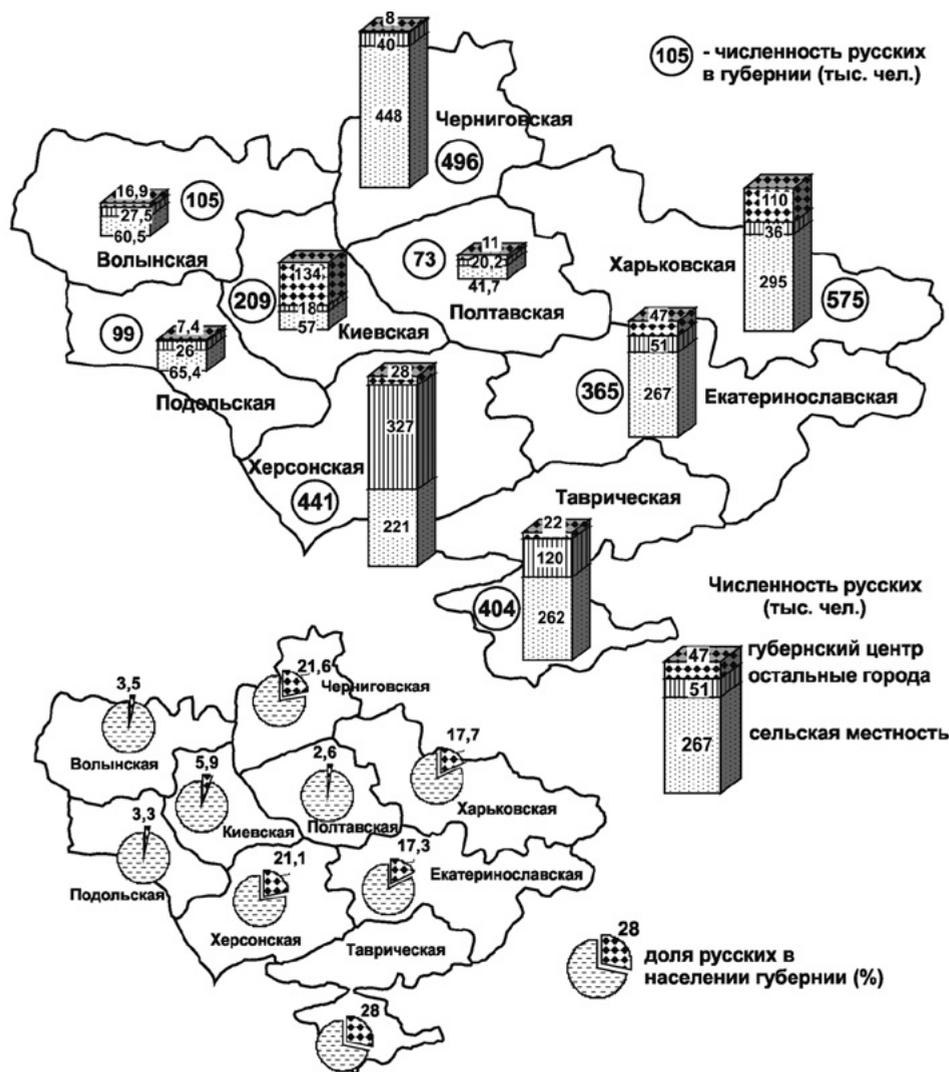

Рис. 1.3. Русские в Малороссии и Новороссии, 1897 г. (тыс. чел., %)¹

Как известно, в переписи 1897 г. учитывалась не национальность, а конфессиональная и языковая принадлежность населения. Но с учетом высокого уровня социокультурного традиционализма народов Российской империи этого времени данные по языковому признаку могут быть использованы и для оценки национального состава отдельных регионов страны. Только в крупных городах ситуация могла быть иной. Языковая

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

русификация городских сообществ в отдельных случаях оказывалась довольно значительной. И доля русских в Киеве (как и в крупных центрах Новороссии) могла быть несколько ниже доли русскоязычных, зафиксированных имперской переписью. Но даже возможный поправочный коэффициент не отменяет вывода о существенном повсеместном росте русского присутствия в городах как Новороссии, так и малороссийских губерний.

Ускоренный демографический рост многих из этих городов в пореформенные десятилетия был связан с активным притоком не только русских, но и еврейских переселенцев. В пределах городской системы Украины (взятой в пространственных контурах шести малороссийских и трех новороссийских губерний) выделялось три ареала, которые по преобладающей национальности горожан можно условно обозначить как «русский», «еврейский» и «украинский». Данные ареалы в разных сочетаниях могли пересекаться, формируя городские сообщества сдвоенной/строеной этнической доминанты. Но в целом среди городского населения русские преобладали в Новороссии и Киеве¹, евреи доминировали на Западной Украине (в пределах Волыни и Подолии) и многих центрах Киевской губернии, украинцы – в центральной и северной Малороссии, некоторых частях бывшей Слободской Украины (Полтавская и Черниговская губернии, северные районы Харьковской губернии).

В общей сложности русское население Малороссии и Новороссии в конце XIX в. составляло 2,77 млн чел. При этом основные его массивы по-прежнему концентрировались вдоль границ украинского этнического ареала, на северо-востоке, востоке и юге охватывая его уже упоминавшейся пространственной «подковой». В ее пределах русские были не только максимально представлены в городах, но и ощутимо присутствовали в сельской местности, позволяя говорить о некотором расширении русской географии. Впрочем, в сельской местности всех девяти губерний (за исключением Крыма, составлявшего южную часть Таврической губернии, и отдельных уездов Черниговской губернии) доля русских никогда не дотягивала до 20 % местного населения.

Наглядно иллюстрирует степень укорененности русских в разных частях малороссийско-новороссийского ареала их гендерный баланс. Во всех губерниях (за исключением Черниговской) мужчин среди местного русского населения было больше, чем женщин. Но этот перевес практически по всей Новороссии был незначительным. Иной была ситуация в губерниях Малороссии, где по мере продвижения к западу гендерный дисбаланс нарастал как в городах, так и в сельской местности.

¹ К рубежу XIX–XX вв. русские составляли более половины населения Киева, от четверти до трети жителей других «украинских» центров. В городах Новороссии (Харьков, Луганск, Херсон, Николаев, Одесса) этот показатель был еще выше, зачастую достигая 50–60 %.

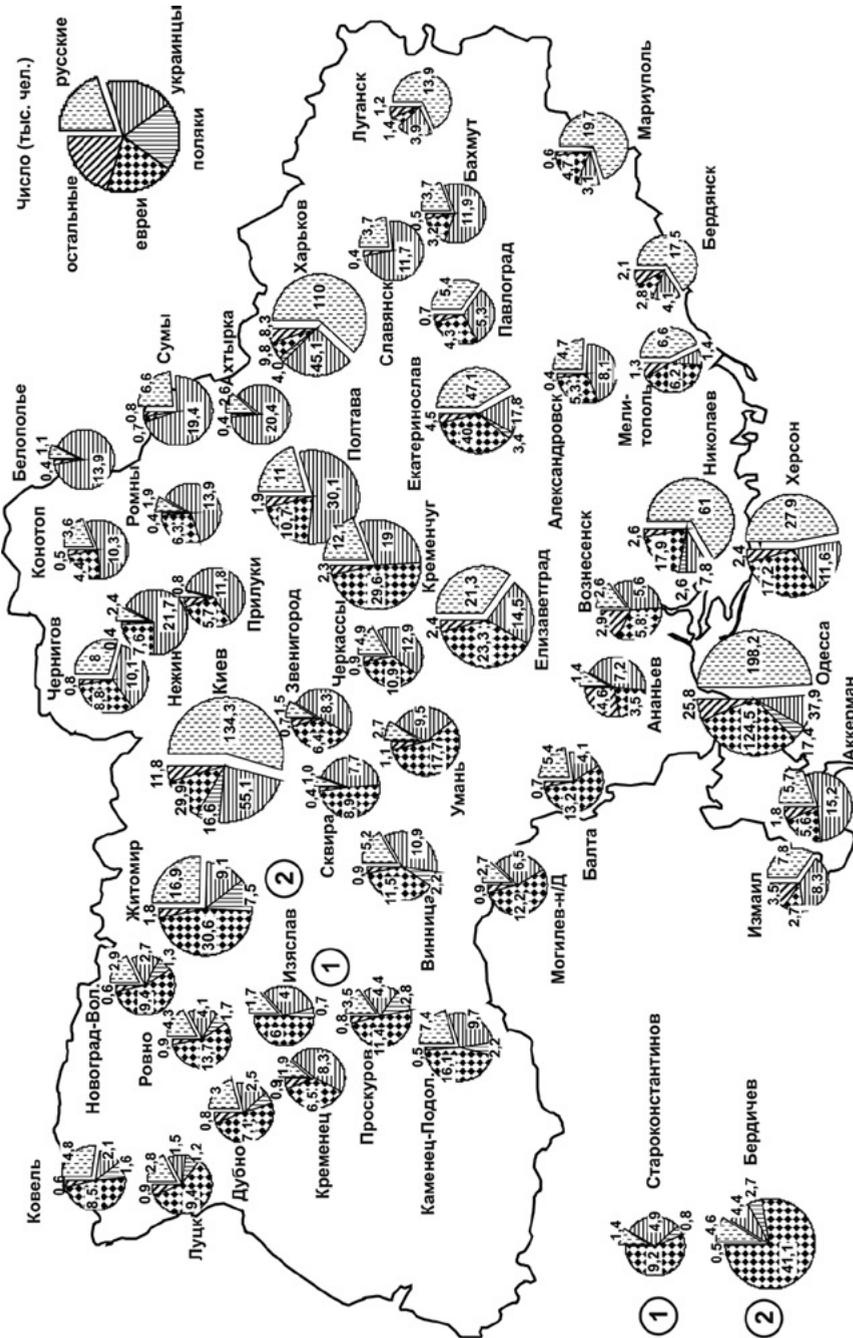

Рис. 1.4. Национальный состав населения городов Малороссии и Новороссии (без Крыма), 1897 г. (тыс. чел.)

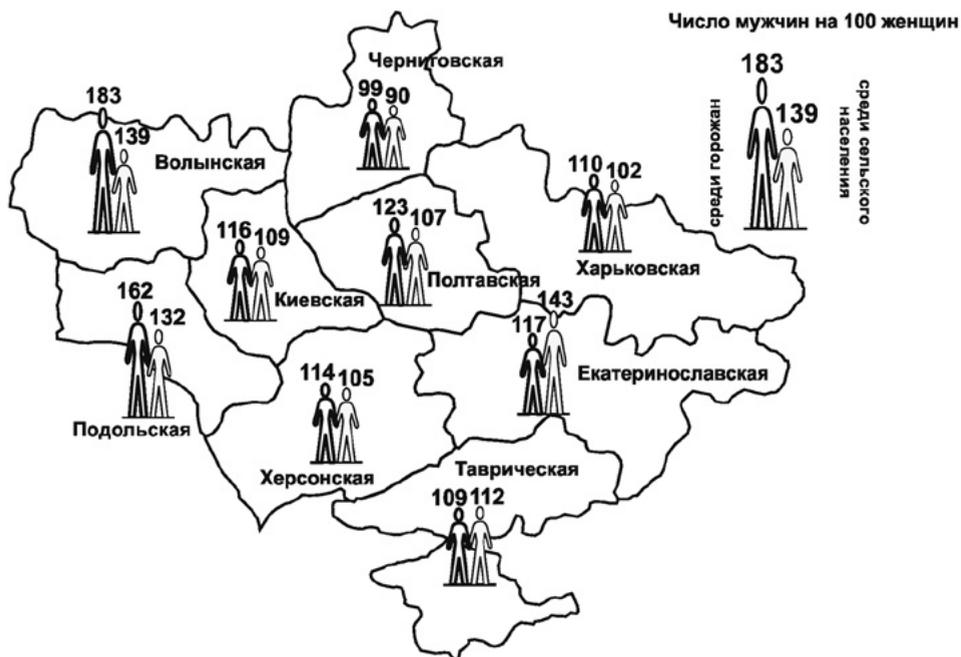

Рис. 1.5. Гендерные характеристики русского населения губерний Малороссии и Новороссии, 1897 г.¹

Существенный (1,4–1,8-кратный) перевес мужчин в русских общинах двух западноукраинских губерний (Подольской и Волынской) – очевидное свидетельство всё еще низкой укорененности местного русского населения, которое только обживало данные территории. А среди вновь прибывших процент одиноких мужчин оставался весьма высоким. Показательно и то, что дисбаланс был выше в городах – местах концентрации воинских подразделений и прослойки управленцев. Русские поселяне, действуя по-крестьянски обстоятельно, в большинстве своем приезжали на Западную Украину уже с семьями.

Итак, на протяжении XIX в. русские увеличили свое присутствие в пределах украинского этнического ареала и продолжали освоение Новороссии. Однако на последнем направлении они заметно уступали украинцам, проявлявшим бóльшую активность, в демографической (а стало быть, и хозяйственной) колонизации новых территорий. Только на востоке данного макрорегиона, в пределах стремительно растущего промышленного Донбасса, требовавшего значительного числа новых работников, приток русских переселенцев в пореформенные десятилетия по своим масштабам был сопоставим с украинской миграцией.

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

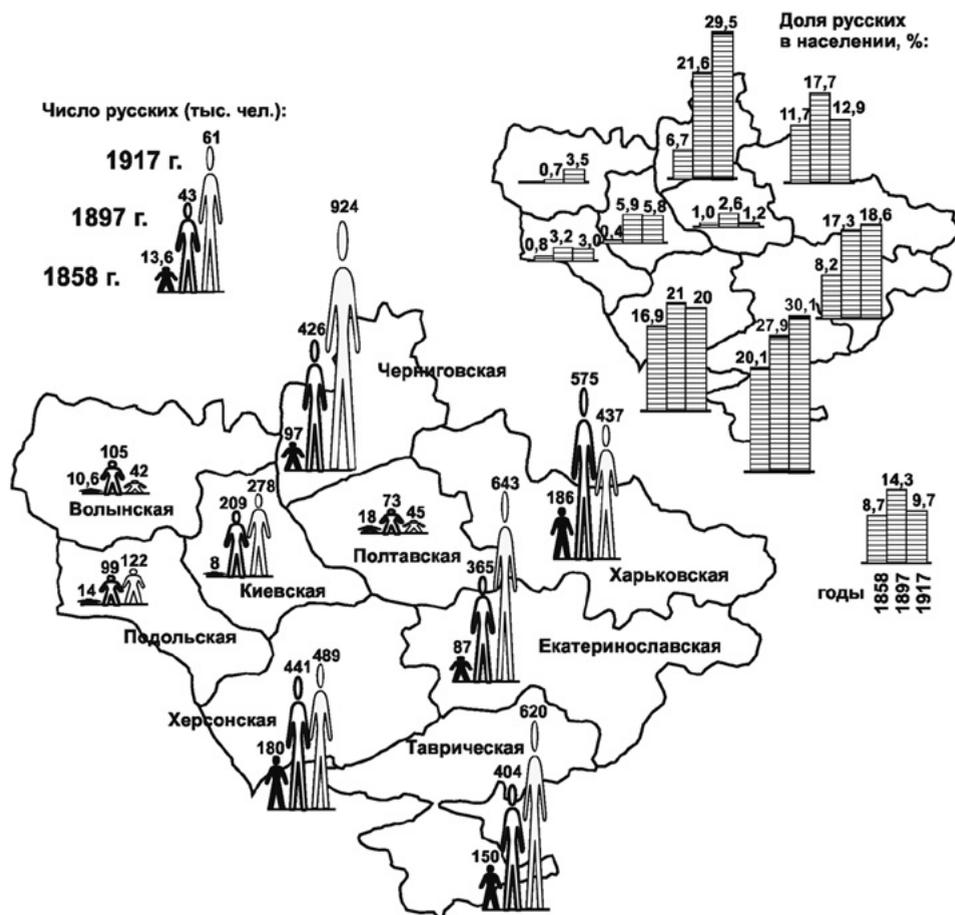

Рис. 1.6. Русское население в Малороссии и Новороссии, 1858–1917 гг.¹

Первые полтора десятилетия XX в. в целом сохранили сложившиеся этнодемографические тренды, связанные с активным межрегиональным перемещением полиэтнического населения империи. Число русских в пределах Малороссии и Новороссии продолжало ускоренный рост. Но уже в первую очередь вследствие своей естественной динамики².

Согласно данным В.М. Кабузана, за последние два десятилетия имперского периода (1897–1917 гг.) количество русских в пространственных пределах советской Украины после 1954 г. выросло с 2,77 до 3,6 млн чел.³ Учитывая харак-

¹ Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php (дата обращения: 03.06.2019).

² С другой стороны, продолжалась и активная миграция украинцев в азиатские регионы империи (на этот период приходится существенный рост их численности в Казахстане и на Дальнем Востоке).

³ Обе цифры относятся к русскоязычному населению (см.: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279).

теристики демографического воспроизводства русского народа, этот 30 %-ный рост мог быть обеспечен исключительно одним естественным приростом¹.

Однако аналогичными в это время были и воспроизводственные показатели украинцев и представителей других национальных групп Малороссии и Новороссии. И потому доля русских в населении данных макрорегионов к началу Первой мировой войны практически не изменилась².

Военные годы, безусловно, отразились на количественной и пространственной динамике русского населения. Именно с войной было связано кратное сокращение численности русских в прифронтовой Волынской губернии (по сравнению с данными на конец XIX в. ее русское население уменьшилось в 2,5 раза). Впрочем, рассчитанные В.М. Кабузаном для 1917 г. размеры губернских массивов русского (русскоязычного) населения Малороссии и Новороссии должны использоваться с осторожностью. Геодемографическая динамика местных русских общин в первые полтора десятилетия XX в., очевидно, требует дополнительного изучения.

Слишком значительной представляется трансформация удельного соотношения русского населения ряда губерний. Требуется объяснения, в частности, более чем двукратный демографический рост русских Черниговской губернии, численность которых к революции подскакивает почти до миллиона, при параллельном ощутимом сокращении количества русских в соседней Харьковской губернии и количественной стагнации русской общины Херсонской губернии.

Необходимо учесть и то, что численность русскоязычных и русских в губерниях Малороссии к этому времени начала всё заметнее расходиться. Значительные группы представителей различных этнических общин (особенно в городской среде) переходили на русский язык, сохраняя этническое самосознание. Как результат, русскоговорящее население во многих городах могло уже на треть (и больше) превосходить число русских. В сельской местности разница между данными множествами всё еще была мало ощутимой, хотя аналогичные процессы происходили и здесь.

Цифра 3,6 млн чел. (число русскоговорящих) больше превышала численность русских на Украине в 1917 г., чем цифра 2,77 млн делала это для 1897 г. (рис. 1.7). Но важнее то, что обе цифры все еще могли служить иллюстрацией значительных масштабов русского этнического присутствия в пределах

¹ Среднегодовой коэффициент естественного прироста у русских в данное время составлял 1,6–1,7 %, а за весь 20-летний период – 35–36 %. Иными словами, мог иметь место даже небольшой отток русского населения.

² Точнее, даже потеряла доли процента. Снизившись с 9,6 до 9,3 %, она в дореволюционный период так и не дотянула до 10 %-ной отметки.

Малороссии и Новороссии и его стремительного демографического роста в последние десятилетия имперского периода.

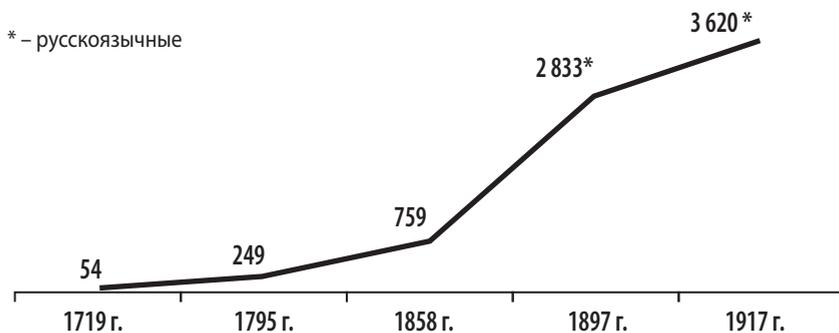

Рис. 1.7. Русское и русскоговорящее население на Украине в территориальных границах 1992 г. (тыс. чел.)

Итак, за два столетия численность русских в пределах территорий, ставших в дальнейшем советской Украиной, выросла в 60–65 раз, составив к концу имперского периода более 3 млн чел.

1.2

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1917–1941 гг.)

В период Гражданской войны количество русских в пределах Украины должно было сократиться как минимум на 5–10 %. Но данная убыль была весьма неравномерна в пространстве, и некоторые территории утратили куда большую долю своего русского населения.

Максимальными в удельном отношении были демографические потери на землях Западной Украины, где русское население не успело укорениться и оставалось достаточно редким. Тем более что значительные территории (Подольская и Волынская губернии почти в полном составе) перешли в состав Польши, что не могло не повлечь масштабной реэмиграции местного русского населения¹.

¹ Из более чем 200 тыс. русских, проживавших здесь в начале XX в., в 1920-х гг. осталось не более нескольких десятков тысяч человек.

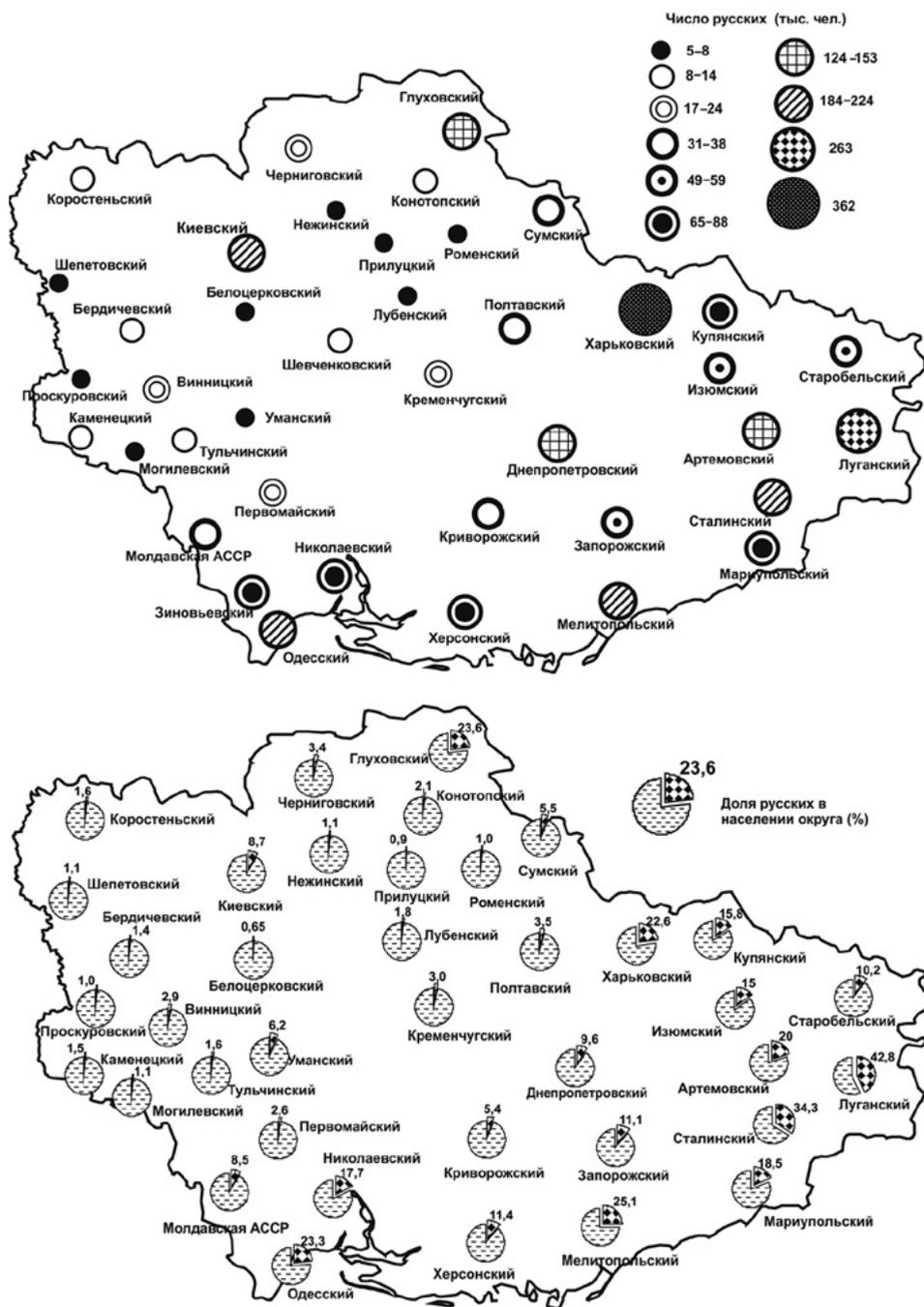

Рис. 1.8. Русские по округам Украинской ССР, 1926 г.

Очевидно, могла измениться концентрация русского населения и в других регионах Украины. Однако присутствие его оставалось практически повсеместным, что и зафиксировала перепись 1926 г. Максимальное число русских было сосредоточено на востоке и юге новообразованной Украинской ССР. Здесь во многих округах численность русских составляла 150–200 тыс. и более. Между тем в центре и на западе республики на один округ приходилось всего несколько тысяч русских жителей (за исключением Киевского) (рис. 1.8).

Показательно и то, что в ряде северо-восточных и восточных округов русские не только количественно доминировали в городах, но и составляли весомую долю сельского населения. Советская Украина включила в себя часть территорий, относившихся если не к русскому этнокультурному ареалу расселения, то к русско-украинскому лимитрофу (рис. 1.9¹).

Впрочем, оценивая деятельность советской власти по реформе административно-территориального деления страны, необходимо учитывать, что далеко не всегда существовала возможность четкого разграничения территорий исходя из национальной структуры местного населения. Значимую роль в административной реформе по необходимости играли и социально-экономические факторы, не говоря уже о лоббистских усилиях различных этнических групп влияния (представленных в том числе и в партийных органах) и прочих привходящих обстоятельствах. Как результат, одни участки обширного русско-украинского этнокультурного лимитрофа были включены в состав советской Украины, другие оказались в пределах РСФСР (в частности, в составе Воронежской и Курской областей, где таким образом оказалось большое число украинцев). Некоторые территории переходили из одной союзной республики в другую неоднократно, как случилось с рядом западных районов Области Войска Донского, переданных Украине в 1920 г. и возвращенных в состав РСФСР спустя три года.

В любом случае пространственная система русского расселения, как и в дореволюционный период, имела вид развернутой на восток «подковы», на северо-востоке включавшей районы Украинской ССР, прилегающие к РСФСР, а на юге – приморские округа, вытянутые вдоль Азовского и Черного морей.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

На этих территориях, в большинстве районов русские составляли 15–25 % жителей, тогда как в центральных округах УССР их доля снижалась до 3–6 %, а на западе составляла лишь 1–2 %. То есть за прошедшие после имперской переписи 30 лет удельный вес русского населения на значительной части западной и северной Украины не только не вырос, но даже сократился, причем как в городах, так и в сельской местности. Очевидно, свою роль в этом сыграли социальные потрясения предыдущего десятилетия, связанные с некоторым оттоком русского населения.

Как и в дореволюционный период, во всех частях Украины (за исключением Купянского и Старобельского округов) доля русских среди горожан в середине 1920-х гг. более или менее значительно превосходила их удельный вес среди местного сельского населения. В большинстве западных и центральных районов республики это превосходство оставалось многократным.

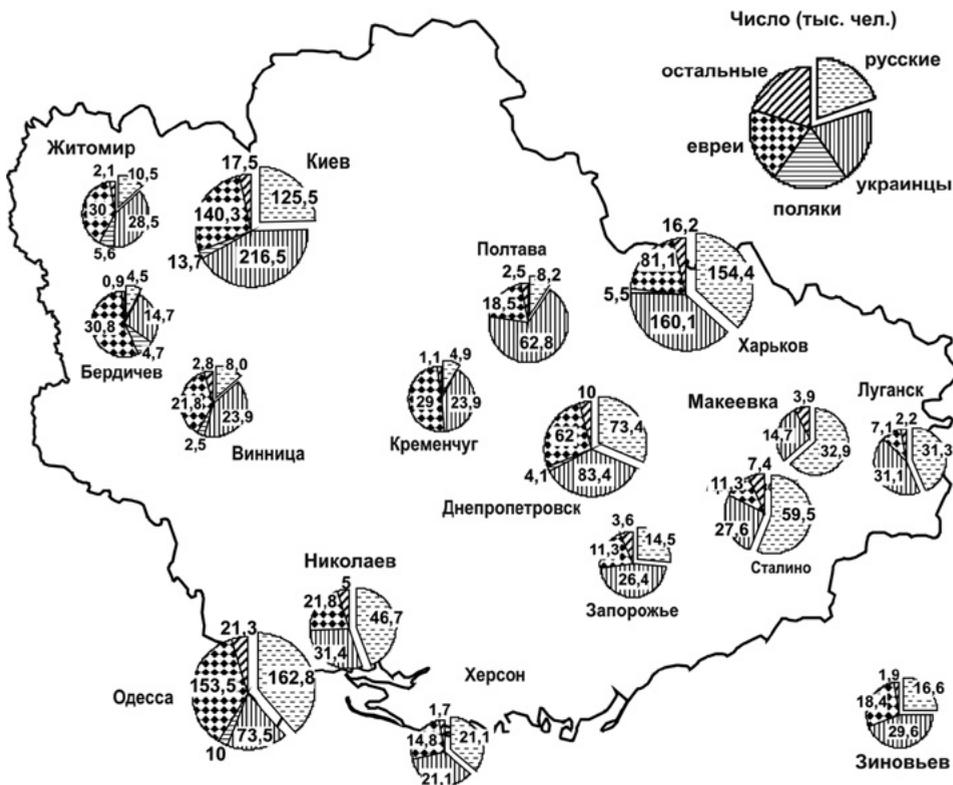

Рис. 1.10. Национальный состав населения крупных городов УССР, 1926 г. (тыс. чел.)

Однако первая четверть XX в. была связана с постепенным «разворотом» к городской системе и украинского населения (рис. 1.10). Долгое время избегавшее селиться в городских центрах, оно всё активней осваивает города республики. Приток украинцев по своим масштабам уже существенно превосходил русскую миграцию, постепенно меняя национальную структуру населения городской системы УССР. Свою роль играла и политика украинизации, реализуемая с начала 1920-х гг., вследствие которой часть смешанного и культурно обрусевшего титульного населения республики во время переписи самоопределилась украинцами.

Как результат, за период 1897–1926 гг. численность русских в большинстве крупнейших центров Украины (Киев, Харьков, Одесса, Николаев, Херсон) сократилась, притом что население городов за это время выросло в 1,5–2 раза. При этом удельные потери городских русских общин оказались куда более значительными. Если в конце XIX в. на русских приходилось 40–50 % жителей многих крупных городов Малороссии и Новороссии, то в середине 1920-х гг. уже только 25–30 %. Только в быстро растущих индустриальных центрах Донбасса – Сталино (Донецк), Макеевке, Луганске – этот показатель был значительно выше (43–56 %).

Более сложной была динамика еврейских горожан Украины. С одной стороны, число их сокращалось на западе республики, в тех городах, в которых они до революции количественно доминировали. Но снятие всех запретов на территориальное перемещение позволило им значительно нарастить свое присутствие в крупных центрах Восточной Украины (Харькове, Днепропетровске, Сталино), и соотношение трех «этнических» сегментов городской системы Украины определенным образом трансформировалось. Заметно выросла «украинская» составляющая, которая теперь плотно пересекалась с «еврейской» на западе республики и с «русской» в восточных районах УССР. Еврейский городской массив, потеряв в концентрации на западе, существенно вытянулся на восток, а русские горожане продолжали, хотя уже и не так отчетливо, численно преобладать в крупных центрах на востоке республики.

Конец 1920-х – 1930-е гг. – сложный по своим этнодемографическим трендам период развития Украины. Время масштабных советскихстроек и массовых трудовых десантов, направленных как в УССР, так и из нее в другие регионы страны; годы стремительной урбанизации республики и период массового голода 1932–1933 гг., охватившего значительную часть

ее областей¹. Сопряженный характер данных процессов, их временное взаимоналожение до максимума усложняют расчет удельного вклада отдельных составляющих в общую этнодемографическую динамику всего населения Украины и ее отдельных национальных сообществ.

За 1926–1939 гг. количество русских в пределах Украинской ССР выросло более чем в 1,5 раза (с 2,67 млн до 4,17 млн чел.). При этом численность русских горожан увеличилась вдвое, тогда как число сельских жителей почти не изменилось. Как результат, русские на Украине превратились в преимущественно городской народ, хотя почти в половине областей республики к концу 1930-х гг. количественно русские поселяне всё еще преобладали (рис. 1.11).

Голод, унесший жизни нескольких миллионов человек разной национальности, в значительно большей степени коснулся сельского населения республики, основную массу которого составляли украинцы. И можно предположить, что опережающий количественный рост русских горожан был отчасти связан с меньшими удельными потерями русского населения Украины в начале 1930-х гг. Очевидно и то, что миграционный приток «внешних» русских в пределы Украинской ССР в первую очередь был направлен в города – основные средоточия крупной индустрии, привлекавшие дополнительные рабочие руки. Это также увеличивало показатель урбанизации русского населения.

Однако с 1930-ми гг. связана не только стремительная урбанизация русского населения Украины, но и другие значимые социодемографические трансформации, в частности масштабная «разбалансировка» гендерной структуры

¹ Демографические потери и этническая структура населения охваченной голодом Украины в 1932–1933 гг. по-прежнему в центре жесткой политизированной дискуссии. Хотя не вызывает сомнения, что счет идет на миллионы человеческих жизней (наиболее вероятной представляется цифра в 3–3,5 млн погибших). Между тем исследователи, подчеркивающие целенаправленно «этнический» (то есть, по сути, «антиукраинский» характер данного социального бедствия), говорят о 7–8 миллионах умерших голодной смертью. Что позволяет ставить вопрос о геноциде украинского народа в СССР. Показательно, что даже украинские ученые, избегающие крайних оценок, уверены в известной этнической направленности Голодомора. Так, по мнению С. Кульчинского, «отдавая должное пропаганде, вожди КПСС предоставляли национальным республикам большие конституционные права, но следили за тем, чтобы никому не пришлось на ум ими воспользоваться. Угроза сепаратизма была особенно велика со стороны крупнейшей по экономическому и людскому потенциалу национальной республики. Посему масштабы превентивного террора на Украине оказались исключительно большими... Голод 1932–1933 гг., справедливо названный мором – по аналогии со средневековой чумой, наблюдался во многих регионах СССР, но только в УССР и на Кубани он стал голодомором. В украинских регионах под видом заготовок было конфисковано всё продовольствие, найденное во время обысков на крестьянском подворье. Кремль предупреждал вспышку украинского сепаратизма в ситуации социально-политического кризиса, охватившего СССР вследствие непосильных темпов индустриализации» (Кульчинский С. Демографические потери Украины в XX веке. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0173/analit06.php>).

Рис. 1.11. Форма расселения русских в областях Украинской ССР, 1939 г. (доля горожан и сельских жителей, %)¹

русских поселян. В 1926 г. на 100 русских мужчин в сельской местности Украинской ССР приходилось 103,6 женщины, а в 1939 г. только 49,6. Причем в ряде областей гендерный дисбаланс достигал катастрофических размеров (в Черниговской он был 13-кратным, в Киевской и Полтавской областях – 9–10-кратным, в Каменец-Подольской более чем 7-кратным; в Винницкой и Житомирской областях – 5,5-кратным) (рис. 1.12). Максимальных размеров данная разбалансировка достигала на западе и в центре Украины. Но была достаточно значительной и на юге. Причем у русского населения этих же областей мужчин, как правило, было меньше, чем женщин (80–95 на 100). Причины столь значительного мужского перевеса у русских поселян, возникшего за весьма короткий период времени, требуют отдельного анализа.

Можно предположить, что данный гендерный перекоc отчасти являлся результатом притока из РСФСР русских трудовых мигрантов (преимущественно мужчин) не только в города, но и в сельскую местность данных областей. Учитывая же небольшие размеры русского населения сельских территорий, такое пополнение могло существенно нарушить гендерный баланс. Однако количественная

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php

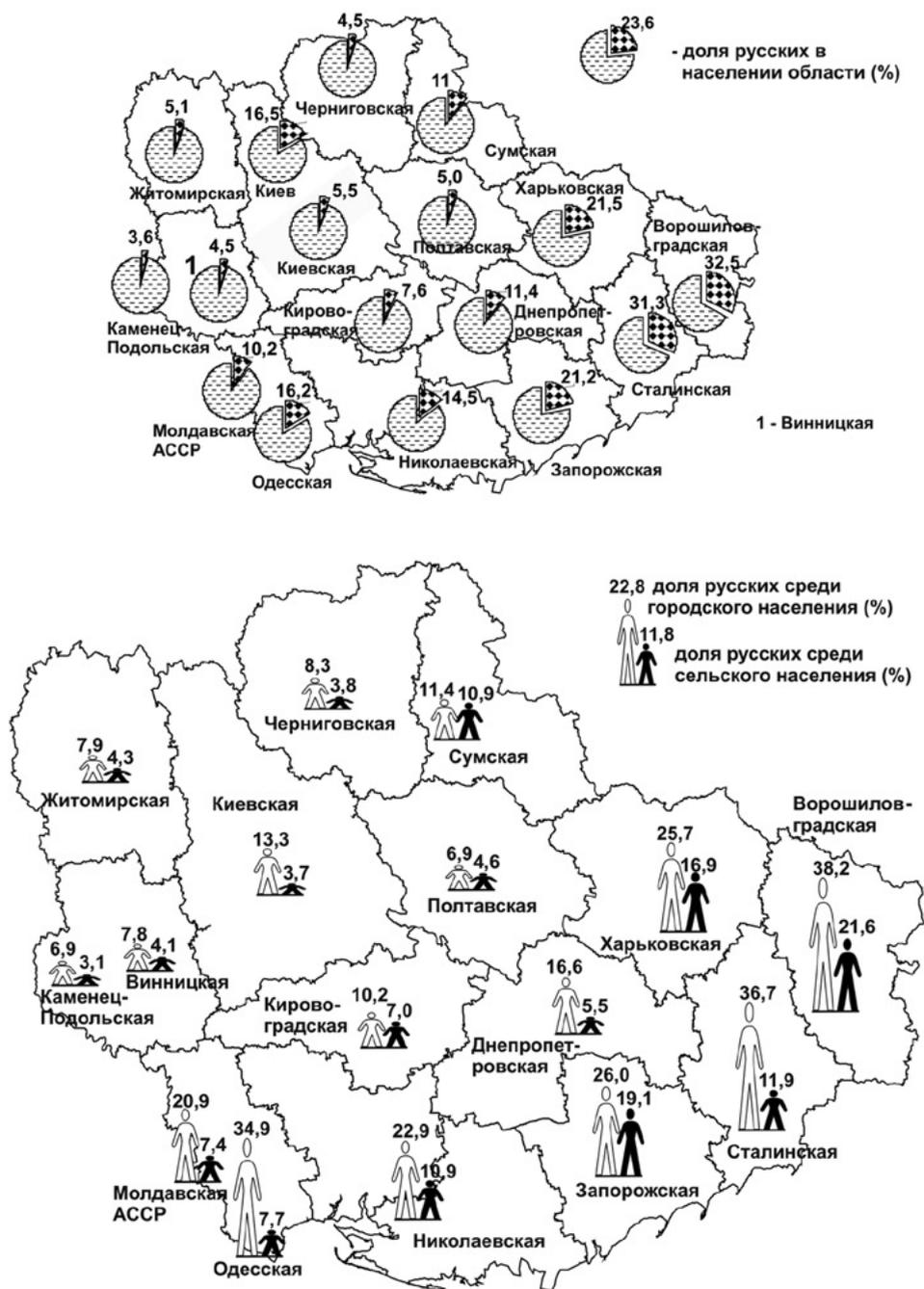

Рис. 1.13. Русские в УССР, 1939 г. (%)¹

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php

За время между переписями доля русских в населении республики выросла с 9,2 % до 13,5 %. И данный рост определялся не только миграцией, но и естественным приростом, который сохранялся в это время у русского народа на достаточно высоком уровне. Свою роль играло и обрусение, масштабы которого снова пошли в рост после того, как в конце 1920-х гг. изменился курс советской власти в области национальной политики. И комплексная поддержка национальных меньшинств, вкупе с борьбой с великодержавным русским шовинизмом, уступили место строительству наднационального (советского) народа, в котором центральные социокультурные позиции в силу количественного доминирования принадлежали русской национальности. И в городской среде Украинской ССР (как и в других союзных республиках) в 1930-е гг. вновь ускоряется ассимиляция русскоязычных этнических групп, включая титульных украинцев.

В общем виде сохраняется и география русского населения Украины. Максимальной концентрации оно достигает в пределах Донбасса (почти треть жителей региона), представляющего центральную часть русской пространственной «подковы». В пределах ее северной дуги (Харьковская и Черниговская области) русских 11–21 %. Южная дуга, заключающая территории бывшей Новороссии, более протяженная и демографически мощная: удельный вес русского населения в трех областях совокупно составлял 15–21 % (рис. 1.13).

В городах этого пространственного пояса русские составляли $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ населения, а в трех областях (Ворошиловградской, Харьковской и Запорожской) на них приходилось и 17–21,6 % сельских жителей. Существенно меньше русских было в центральных и западных регионах Украины ((их удельный вес в населении, как и в середине 1920-х гг., составлял здесь 3,5–5 %).

На рубеже 1940-х гг. территория УССР была существенно расширена за счет включения в ее состав ряда населенных украинцами регионов Польши, поделенной Германией и СССР. Демографический потенциал республики разом увеличилось с 30,9 до 40,3 млн чел. (на 30 %). Более всего выросло титульное население (на 5,4 млн чел.). Пополнение русского массива УССР было куда более скромным. Численность русских в пределах Западной Украины составляла только 225 тысяч. С учетом этого населения и естественного прироста двух последних предвоенных лет число русских в республике накануне войны составляло чуть менее 4,5 млн чел.

1.3

ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1940–1950-е гг.)

Повышенная демографическая турбулентность первых советских пятилеток до максимума возросла в военные годы. Массовая мобилизация мужчин в советскую армию и фронтовые потери, масштабная эвакуация населения; репрессии оккупационного режима, в 1942–1943 гг. контролировавшего практически всю территорию Украинской ССР; массовый вывоз рабочей силы в Германию; сверхсмертность населения от голода и болезней – факторы депопуляции населения были множественны, и к началу 1945 г. жителей на Украине оставалось только $\frac{2}{3}$ от довоенного уровня (26,4 млн из 40 млн чел.).

К середине 1946 г., после возвращения основной массы беженцев, переселенцев и насильно вывезенных на работу в Германию, численность населения УССР поднялась до 30,9 млн чел. Согласно экспертным оценкам, безвозвратные демографические потери республики в годы войны могли составлять порядка 8–9 млн чел. (без учета косвенных потерь, связанных с падением рождаемости).

Очевидно, что потери русского населения УССР в удельном плане не уступали общей убыли населения. Таким образом, в середине 1940-х гг. численность русских в республике могла составлять порядка 3,6 млн чел. (потеря 20 % от довоенного уровня). Но уже к 1950 г. размеры русской общины советской Украины рубежа 1930–1940-х гг. могли быть полностью восстановлены. На ее быстрый демографический рост в это время работали все три фактора количественной динамики – повышенный естественный прирост, масштабный миграционный приток и ассимиляция.

Существенно увеличила демографический потенциал русского населения республики передача в ее административный состав в 1954 г. Крымского полуострова. И первая послевоенная перепись населения зафиксировала в УССР почти 7,1 млн русских. Но даже в республиканских границах 1939 г. количество русских увеличилось с 4,17 до 5,69 млн чел. (на 36,5 %)¹. И если предположить, что послевоенный восстановительный рост русского населения Украинской ССР был более или менее равномерным во времени, уже к 1950–1951 г. его численность в пределах республики должна была составлять около 4,5 млн чел. (уровень 1941 г.).

¹ Притом что рост всего населения республики без учета Крыма составил за этот период только 10,3 %.

Как и раньше, основные средоточия русских складывались в пространственную «дугу», захватывающую все восточные и южные области республики. Показательно и то, что именно данные территории в послевоенный период привлекли основную массу русских мигрантов, перебравшихся на Украину. Максимально выросло в 1940–1950-е гг. русское присутствие в Донбассе (две восточные области УССР) – с 1,57 млн в 1939 г. до 2,55 млн чел. в 1959 г. Мощный послевоенный рост местной индустрии притягивал в этот регион трудовых мигрантов как из областей Украины, так и сопредельных территорий РСФСР. К рубежу 1950–1960-х гг. доля русских здесь приблизилась к 40 %. Но и на юге республики удельный вес русского населения составлял по отдельным областям 15–25 % жителей, а в Крыму превышал 70 %.

В пределах русского пояса наибольшей интенсивности в послевоенный период, очевидно, достигал и процесс обрусения, в т.ч. и титульного населения. Победа над грозным врагом сама по себе являлась сильным консолидирующим фактором. Опасность, нависшая над всеми восточнославянскими народами в годы войны, заставила часть населения максимально остро почувствовать степень внутренней социоэтнокультурной близости, что и нашло отражение в «русском» самоопределении некоторых украинцев, в 1950-е гг. внутренне идентифицировавших себя с главным народом-победителем фашизма. Тем более что вековое совместное проживание русских и украинцев в пределах таких исторических областей, как Новороссия и Слободская Россия, существенным образом сблизило два народа. Не говоря уже о значительной массе смешанного биэтнического населения, сосредоточенного на этих территориях.

По сравнению с довоенным периодом заметно выросла численность русских и в республиканской столице (со 139 тыс. до 254 тыс. чел.). Это, впрочем, не совпадало с этнодемографической динамикой многих областей исторической Малороссии. Численность русских в некоторых из них увеличилась совсем незначительно, а в других (в том числе в Черниговской, Полтавской, Винницкой) за 1939–1959 гг. более или менее заметно сократилась. Естественный прирост русских общин в данных регионах так и не смог восполнить масштабные демографические потери военного времени. А приток русских трудовых мигрантов был направлен в другие области Украины. Минимальным оставался и процесс обрусения, почти не распространявшийся на местное титульное население, хорошо осознававшее свою этнокультурную специфику, в отличие от украинцев южных и восточных областей УССР.

трах, но даже в них они, как правило, составляли не более 10 % жителей. Впрочем, столь же незначительным (3–4 % местного населения) оставалось этническое присутствие русских в центральных и северных областях республики (Черниговской, Полтавской, Черкасской, Киевской).

Иными словами, в пределах Украины по-прежнему достаточно четко выделялось два пространственных этнокультурных ареала. Территории, представлявшие историческое ядро системы расселения украинцев (запад, центр и север УССР), сохраняли преимущественно однородный этнический состав. Более того, после уничтожения в годы войны значительной части еврейского населения и массовой этнической зачистки украинскими националистами поляков (Волынская трагедия) уровень титулизации местного населения приблизился к максимальной отметке.

С другой стороны, сохраняли свои этнодемографические и расселенческие характеристики области бывшей Новороссии (обширный юго-восточный пояс), включенные советской властью в состав Украинской ССР в 1920-е гг. Для данных территорий были по-прежнему характерны преимущественно русскоязычные города с высокой долей (20–45 %) непосредственно русского населения и украинская сельская местность, в которой доля «титульных» жителей достигала 60–85 %. Последовавшее в 1954 г. присоединение к Украинской ССР Крыма еще более увеличило русский этнический массив юго-востока республики (рис. 1.15).

Существенным образом отразилась война и на этнодемографической структуре городской системы республики. На Украине не осталось крупных и средних городов с количественным преобладанием еврейского населения, долевым показателем которого практически во всех центрах УССР сократился в 1940-е гг. в разы¹. Позицию доминирующего этнического большинства в городах бывшего еврейского урбанистического ареала заняли украинцы. Они же весьма существенно в удельном отношении потеснили и русских горожан уже непосредственно в пределах городской системы юго-востока². Как результат, постепенная украинизация республиканской городской среды, заметная уже в 1920-е гг., спустя три десятилетия стала абсолютно доминирующим этнодемографическим трендом.

¹ Впрочем, достаточно многочисленное еврейское население в городах Украины в это время еще сохранялось. Прежде всего оно было сосредоточено в крупнейших городах центра и юго-востока республики (в Киеве, Одессе, Харькове, Днепропетровске).

² Достаточно сказать, что к 1959 г. в пределах «континентальной» УССР остались только два крупных городских центра – Донецк и Макеевка, в которых русское население всё еще количественно превосходило число украинцев.

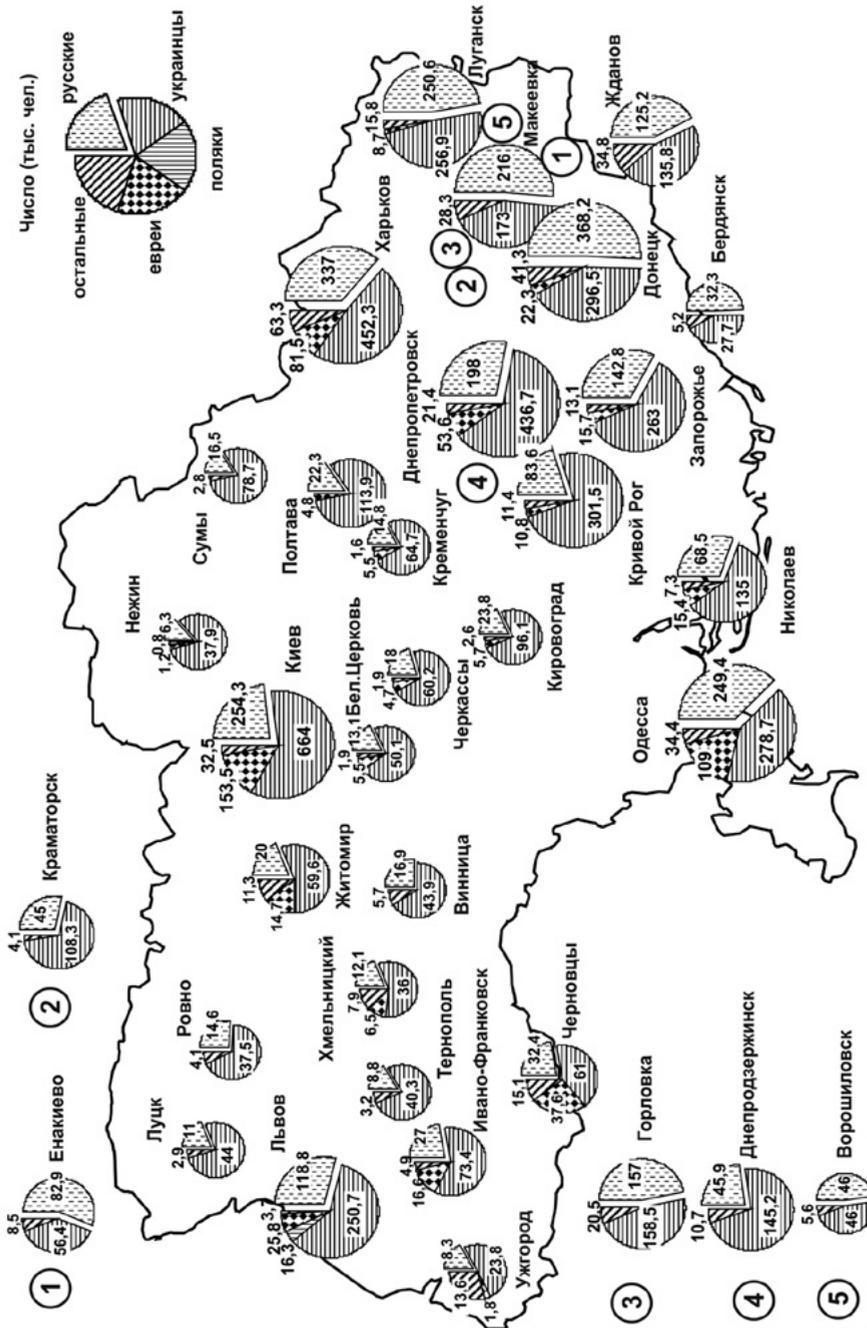

Рис. 1.15. Национальный состав населения городов УССР без учета Крыма, входившего в данный период в состав республики, 1959 г. (тыс. чел.)

1.4

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1960–1980-е гг.)

Общая численность русских в республике продолжала устойчиво расти и в последующие десятилетия, до самого конца советского периода. Темпы этой восходящей демографической динамики постепенно сокращались, но всегда превосходили уровень естественного прироста. Иными словами, русское население Украины продолжало пополняться новыми переселенцами, но росло и за счет процесса обрусения некоторых республиканских диаспор, а в некоторой степени и самого титульного большинства.

В 1960-е гг. число русских в УССР выросло на 28,7 %, притом что их естественный прирост составил порядка 11–12 %. Таким образом, основной вклад в расширение русского этнического присутствия на Украине принадлежало миграции, дополненной ассимиляцией. Демографический рост русских в пределах республики был практически повсеместным, но при этом весьма неравномерным. Если во многих южных и центральных областях он достигал 40–50 %, на востоке республики составлял 20–30 %, то в Западной Украине чуть превысил 11 % (причем в пяти областях макрорегиона оказался меньше 10 %)¹.

Более впечатляюще выглядела разница этого русского демографического «довеска» в абсолютных размерах. Если в восточных областях Украины она измерялась в сотнях тысяч, то в западных составляла только не-

Таблица 1.2

Прирост русского населения
в 1959–1970 гг.

Прирост, тыс. чел.	Области
385–410	Донецкая, Крым*
195–235	Луганская, Днепропетровская, Киевская*
125–165	Запорожская, Одесская, Харьковская
29–60	Николаевская, Полтавская, Херсонская
12–21	Житомирская, Кировоградская, Львовская, Черкасская, Черниговская
2–10	Винницкая, Волынская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Ровенская, Сумская, Черновицкая, Хмельницкая

Примечание:

* – Киевская область дана вместе с Киевом, Крым – с Севастополем.

¹ Иными словами, уступал естественному приросту, что свидетельствовало о начавшемся миграционном оттоке русских, удельные масштабы которого были максимальными в Тернопольской области, численность русских в которой в 1960-х гг. вообще сократилась.

сколько тысяч человек. Как результат, численность русских на Западной Украине в 1960-е гг. выросла всего на 60 тыс. чел., в несколько раз меньше, чем в Крыму или в Донецкой области.

Итак, основной демографический рост русского населения в 1960-х гг. приходился на юго-восток и центр республики – регионы Украины, в которых оно уже было представлено широко. Именно эти территории притягивали новых мигрантов, здесь процесс ассимиляции протекал более интенсивно. А значит, в целом воспроизводила и наглядно демонстрировала себя уже сложившаяся «подковообразная» география русского расселения.

Эта русско-украинская этнокультурная зональность Украины сохранилась и в последние десятилетия Советского Союза. В 1970-е гг. численность русских в УССР выросла с 9,1 до 10,5 млн чел. (на 14,7 %). Учитывая, что естественный прирост русского населения всего СССР в этом десятилетии составил меньше 5 %, около 2/3 количественного роста русской общины республики было обеспечено миграцией и обрусением (рис. 1.16).

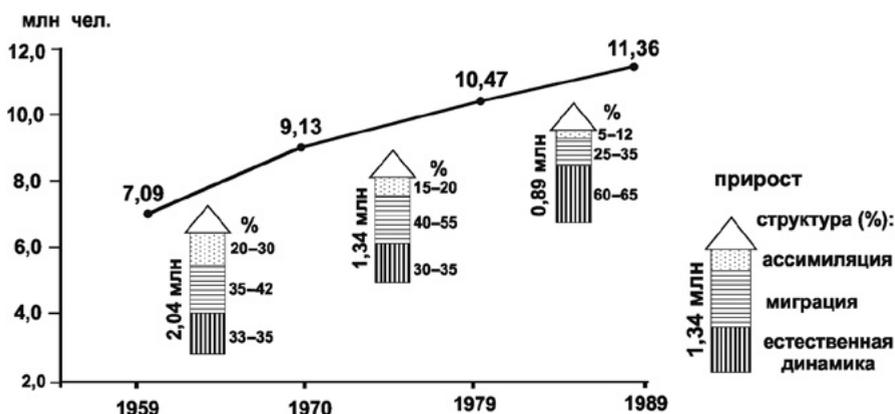

Рис. 1.16. Количественный рост русского населения Украины и его структура, 1959–1989 гг. (млн чел., %)¹

Размеры миграционного пополнения регионов республики русскими переселенцами существенно различались. Но сальдо миграции почти всегда оставалось положительным для Украины. Только в трех областях в этом десятилетии был зафиксирован отток русских – в Сумской, Львовской и Тернопольской областях. В двух последних миграция оказалась столь значительной, что превысила естественный прирост, и число русских сократилось даже в абсолютных размерах².

¹ Расчеты автора.

² Отрицательное сальдо миграции русских для Львовской области в 1970-е гг. могло составить порядка 15–16 тыс. чел.

Впрочем, в масштабах всей Украинской ССР данный депопуляционный ареал был почти не заметен. Тем более что приток (пусть и достаточно ограниченный) русских возобновился во многие другие области Западной Украины, а доля русского населения выросла в 24 из 26 регионов республики. Иными словами, численность русских не только по-прежнему устойчиво возрастала, но и превосходила темпы роста большинства других народов УССР, в том числе самих украинцев.

Но если в 1960-е гг. в 7 областях республики численность русских выросла на 40–50 %, еще в шести на 20–36 %, то в 1970-е гг. только в Полтавской области русская община прибавила больше чем 30 %, на 20–27 % стало больше русских еще в четырех регионах УССР (рис. 1.17).

Сокращались все три компоненты демографического роста. Сократился естественный прирост, упали темпы миграционного притока¹. Снизились темпы обрусения, при этом масштабы межнациональной брачности в республике заметно выросли. Но если в семьях русских с представителями национальных меньшинств значительная часть смешанного потомства самоопределялась как русские, то в русско-украинских семьях соотношение было близким к паритету. Хотя ситуация продолжала заметно различаться по регионам. Если в пределах Крыма или в восточных областях Украины русская самоидентичность у смешанного русско-титульного населения всё еще была приоритетной, то в большинстве других регионов, включая и некоторые области русского «пояса», например Днепропетровскую, предпочтение уже отдавалось украинской самоидентификации. В целом по республике ассимиляционный процесс всё еще продолжал работать на пополнение русского населения, но масштабы этого пополнения постепенно сокращались.

Показательно, что помимо упоминавшихся Львовской и Тернопольской областей, удельный вес русских сократился только в республиканской столице, при этом Киев являлся одним из лидеров в республике по темпам роста своего русского населения (26 % за 1970–1979 гг.). Но еще быстрее росла численность титульного большинства, притягиваемого к столице из всех уголков Украины. А параллельно, в Киеве, концентрируется многочисленная украинская интеллигенция, социальная прослойка с отчетливо выраженным национальным самосознанием, присутствие и деятельность которой существенно сокращает масштабы обрусения столичных украинцев.

¹ Если в 1960-е гг. положительное миграционное сальдо для Украины составило 517 тыс. чел., то в 1970-е гг. – только 350 тыс. чел.

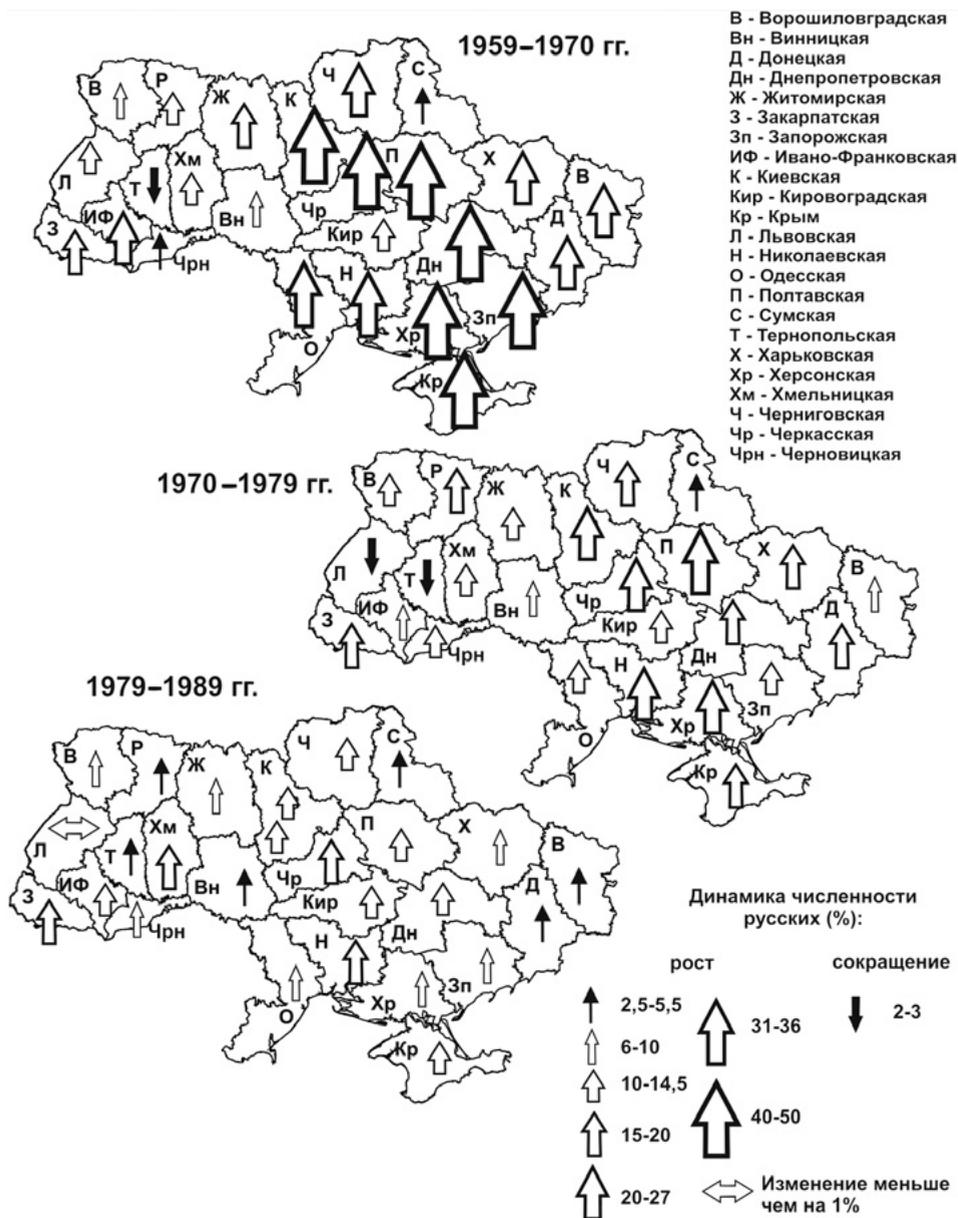

Рис. 1.17. Динамика числа русских по областям Украины, 1959–1989 гг. (%)¹

Геодемографическая динамика русских Украины в 1980-е гг. представляет инерцию двух предыдущих десятилетий – сохранение сложившихся трендов, но в меньших масштабах. Русское население по-прежнему растёт, но этот рост снижается до 8,5 %. А это значит, что впервые за послевоенный период

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

именно естественная динамика выходит на первую позицию среди факторов расширения русского этнического присутствия на Украине.

Демографический рост русского населения оставался повсеместным, обнаруживаясь не только на юго-востоке или в центре республики, но даже в западных ее областях. В отличие от двух предыдущих десятилетий, в УССР не осталось регионов, в которых бы число русских сократилось, хотя во Львовской области их прирост был чисто номинальным – 0,4 %, а еще в трех оказался меньше 4 %. На 4,1–4,7 % увеличилось русское население двух областей Донбасса, что также несколько уступало естественному приросту, свидетельствуя о начавшемся миграционном оттоке русских. Однако удельные показатели продолжили двигаться вверх – доля русских в населении всё еще росла по всей Украине, за исключением Львовской области и Киева. Возрастало и общее число русских на Украине, достигшее к концу 1980-х гг. своего исторического максимума – 11,4 млн чел. (22 % жителей республики).

Из других этнодемографических тенденций этого времени назовем нарастающую урбанизацию местного русского населения. Речь шла о росте числа русских горожан на фоне количественной стабилизации русского сельского населения республики. Учитывая устойчивый демографический рост сельской Украины, происходила дальнейшая этническая украинизация сельской местности. В то же время во многих городах русское этническое присутствие продолжало расти за счет как естественного прироста, так и обрусения части городских украинцев.

Повторимся, процесс обрусения был напрямую связан с наличием в республике (прежде всего в пределах ее городской системы) достаточно обширной биэтнической группы населения, размеры которой росли на всем протяжении советского периода. К его концу смешанное русско-украинское население Украины составляло уже порядка 8–9 млн чел. Соответственно, фиксируемая переписями количественная динамика русского демографического множества в республике в значительной степени определялась национальной самоидентификацией представителей данной биэтнической группы. На середину 1980-х гг. в целом по Украине в этническом самоопределении русско-украинских биэтнофоров существовало определенное равновесие. Государствообразующий статус русских в Советском Союзе в пределах Украинской ССР уравнивался титульным положением украинцев. И смешанное русско-украинское население в УССР могло распределяться между двумя этими национальностями примерно в равных долях.

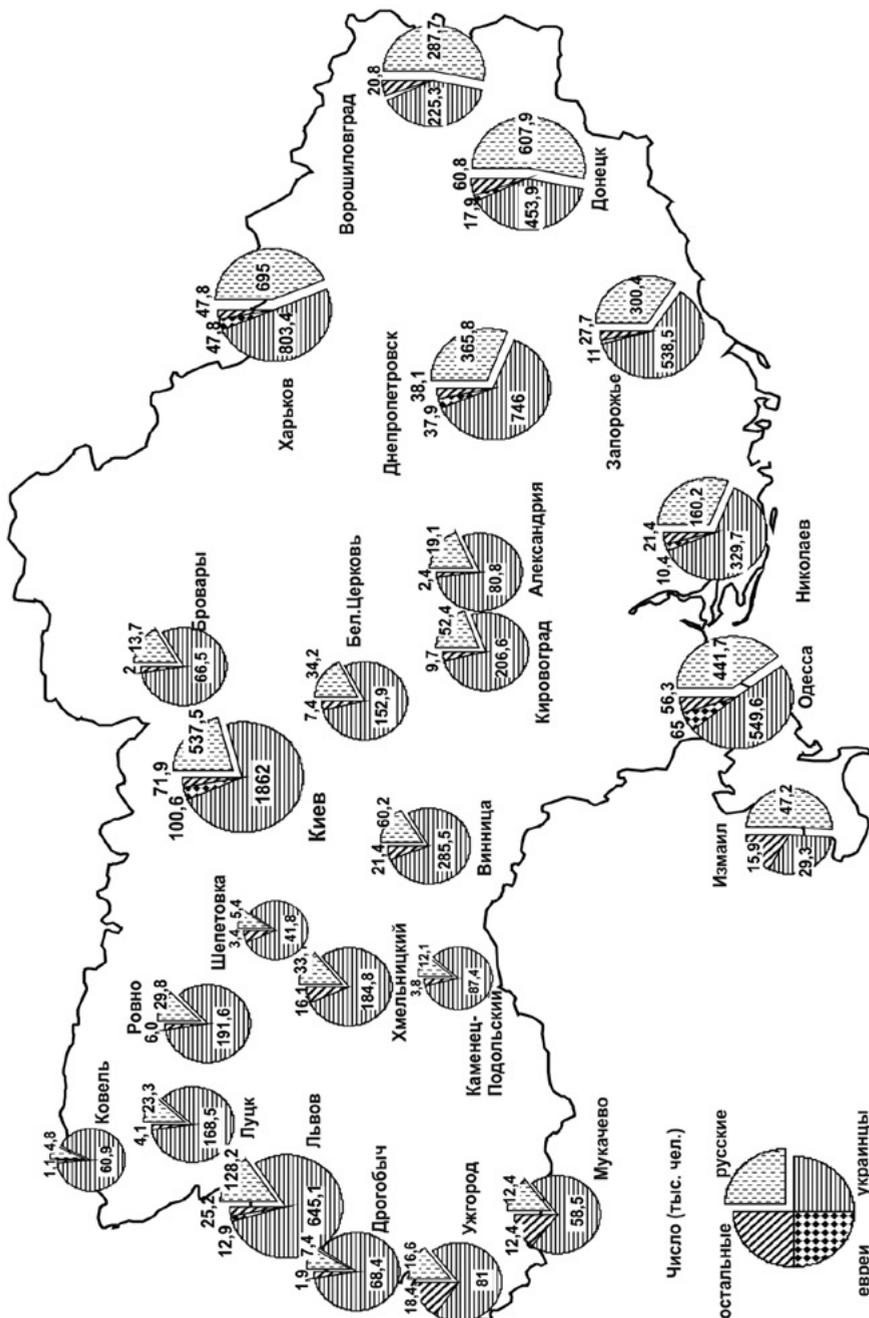

Рис. 1.18. Национальный состав населения городов УССР без учета Крыма, входившего в данный период в состав республики, 1989 г. (тыс. чел.)

Впрочем, устойчивый рост числа русских горожан не мешал постепенной титулизации большей части городской системы республики, особенно ощутимой на западе и в центре УССР. В южном и восточном макрорегионах страны удельный вес русских общин в населении городских центров оставался высоким, составляя 30–35 %. Во многих крупных городах он в 1960–1980-е гг. даже вырос на несколько пунктов. Но только в крупнейших центрах Донбасса (Донецк, Ворошиловград) русские в конце советского периода составляли более половины горожан. Крупнейшим средоточием по абсолютным размерам русского населения на Украине со второй половины 1960-х гг. являлся Харьков. На рубеже 1980–1990-х гг. его русская община насчитывала около 700 тыс. чел. (рис. 1.18), являясь крупнейшей за пределами РСФСР, наряду с общиной Ташкента. В первую десятку «русских» центров союзных республик СССР также входили Донецк, Киев, Одесса, Днепропетровск, формируя половину численного состава.

Таблица 1.3. Доля русского населения по регионам Украины, 1959–1989 гг. (%)¹

Регионы (области), центр	1959	1970	1979	1989	Динамика за 1959–1989 гг.
Крым	71,4	67,3	68,4	67,1	-4,3
Луганская	38,8	41,8	43,8	44,8	6,0
Донецкая	37,6	40,6	43,2	43,6	6,0
Харьковская	26,4	29,3	31,8	33,3	6,9
Запорожская	25,9	30,1	31,1	32,0	6,1
Одесская	21,7	24,2	26,0	27,2	5,5
Днепропетровская	17,2	20,8	22,9	24,2	7,0
Николаевская	13,7	16,1	18,0	19,4	5,7
Херсонская	15,6	18,1	19,6	20,1	4,5
Киев	23	22,9	22,3	20,9	-2,1
Сумская	11,1	11,7	12,4	13,6	2,5
Кировоградская	8,4	9,2	10,4	11,8	3,4
Полтавская	5,1	7,2	9,0	10,4	5,3
Киевская	4,8	6,1	7,6	8,7	3,9
Черкасская	4,4	5,7	6,8	8,0	3,6
Житомирская	5,4	6,2	7,0	7,9	2,5
Львовская	8,6	8,2	7,6	7,1	-1,5
Черниговская	3,9	4,7	5,8	6,8	2,9
Черновицкая	6,6	6,3	6,6	6,7	0,1
Винницкая	4,4	4,8	5,4	5,9	1,5
Хмельницкая	3,8	4,3	4,9	5,8	2,0
Ровенская	4,2	4,3	4,6	4,5	0,3
Закарпатская	3,2	3,3	3,6	4,0	0,8
Волынская	4,2	4,1	4,3	4,7	0,5
Ивано-Франковская	3,5	3,7	3,8	4,0	0,5
Тернопольская	2,5	2,3	2,2	2,3	-0,2
Вся Украина	16,9	19,4	21,1	22,1	5,2

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

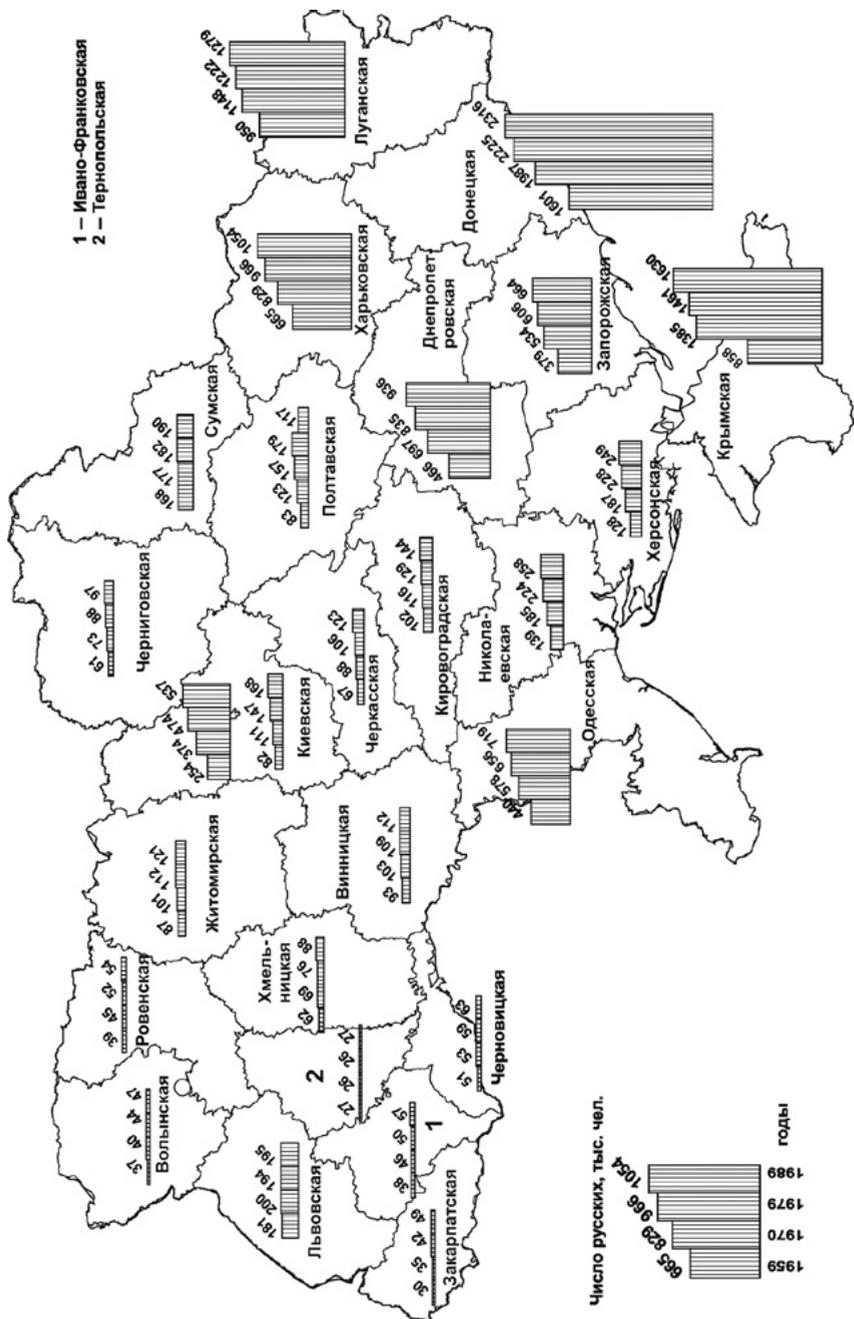

Рис. 1.19. Динамика русских по областям Украины, 1959–1989 (тыс. чел.)¹

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение), URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Итак, в процессе трехвекового развития и взаимодействия в пределах одного государства оба народа создали множество разноформатных ареалов совместного расселения, крупнейший из которых пролегал широкой полосой между двумя исторически сложившимися этническими системами от русско-украинско-белорусского порубежья на юго-восток, в сторону Нижнего Подонья. С конца XVIII в. данный этнокультурный лимитроф постепенно пополняется территориями Северного Причерноморья и Приазовья (Новороссия). Значительная часть этого региона после революции вошла в состав советской Украины, сформировав устойчивый русскоязычный юго-восточный пояс республики.

К концу советского периода русские в УССР представляли демографически мощное множество, максимально плотно укоренное в городской системе, которая к данному времени в этническом разрезе приобрела черты отчетливой русско-украинской биэтничности (впрочем, при становящейся всё более заметной доминанте титульной составляющей). В сельской местности русское население было немногочисленным, и сколько-нибудь значительные его группы концентрировались в пределах всё того же юго-восточного пояса. По сути, только в Крыму и в Ворошиловградской (Луганской) области для русских была характерна развитая система сельского расселения.

1.5

РУССКИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ: ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

1990-е годы

Как мы видели, еще на рубеже 1980–1990-х гг. ничто не указывало на возможность этнодемографического отступления русских из Украины. Однако распад СССР и приобретение бывшей союзной республикой государственного суверенитета становится отправной точкой нового тренда, связанного с постепенно набирающей обороты украинизацией местного русского населения. Очевидно, что в новых социально-политических

условиях данная тенденция должна была проявиться в любом случае. Однако она была заметно усилена культурно-языковой политикой новых властей Украины, вне зависимости от смены политических команд жестко ориентированных на поступательную этнокультурную унификацию («титулизацию») страны.

Придерживаясь данного курса, украинская власть исходила из нескольких основных предпосылок:

- системной близости двух народов, существенно облегчающей этнические взаимодействия;
- активной межнациональной русско-украинской брачности и, соответственно, наличия обширной биэтнической группы населения, которую последовательной реализацией украиноцентричной программы действий в основных сферах жизни можно было подталкивать к выбору «правильной» национальной идентичности;
- существенной и постоянно возрастающей доли смешанного населения в составе местного русского массива, который в течение ближайших двух (максимум трех) поколений должен был практически повсеместно в пределах Украины (за исключением Крыма) утратить свое этнически «чистое» ядро.

Таким образом, целенаправленно ускоряя процесс ассимиляции русского населения страны, украинское руководство брало за образец успешный исторический опыт обрусения крупных региональных массивов украинцев в РСФСР (Центральное Черноземье, степное Предкавказье, Дальний Восток) и Казахстане, представлявший затяжной процесс, начавшийся еще в имперский период, но прошедший через критическую стадию в 1930-е гг. (когда украинское население массово самоопределилось в качестве русского) и заверченный уже в 1950–1960-е гг.¹ Повторить данную этнокультурную метаморфозу, но уже в обратном направлении, представлялось украинской власти не просто заманчивой, но стратегически важной задачей, центральной в плане формирования консолидированной украинской гражданской нации.

Но, несмотря на наличие множества схожих черт, этнополитическая, социально-экономическая и социокультурная ситуация в постсоветской Украине имела существенные отличия от той, в которой в первой половине XX в. была осуществлена русификация украинцев РСФСР и Казахстана. Однако об этих обстоятельствах, осложняющих работу украинских властей, речь пойдет позже. Тем более что программа этнической украинизации,

¹ Как известно, именно обрусевшие потомки украинского населения Кубани в постсоветский период превратились в один из наиболее патриотически настроенных и активных региональных сообществ русского народа.

если судить по результатам первой (и пока единственной) в истории постсоветской Украины переписи населения 2001 г., в целом оказалась успешной. Перепись зафиксировала стремительное демографическое сжатие русского населения, численность которого за 1989–2001 гг. сократилась более чем на 3 млн чел. – с 11,4 млн до 8,3 млн (с 22,1 % до 17,3 % упала и его доля в населении страны).

Масштабы этого сжатия заметно превосходили естественную убыль или возможный отток русских за пределы Украины (преимущественно в Россию). По данным российского Госкомстата, эмиграция русских с территории Украины за период 1993–2001 г. составила только 393 тыс. чел. (рис. 1.20).

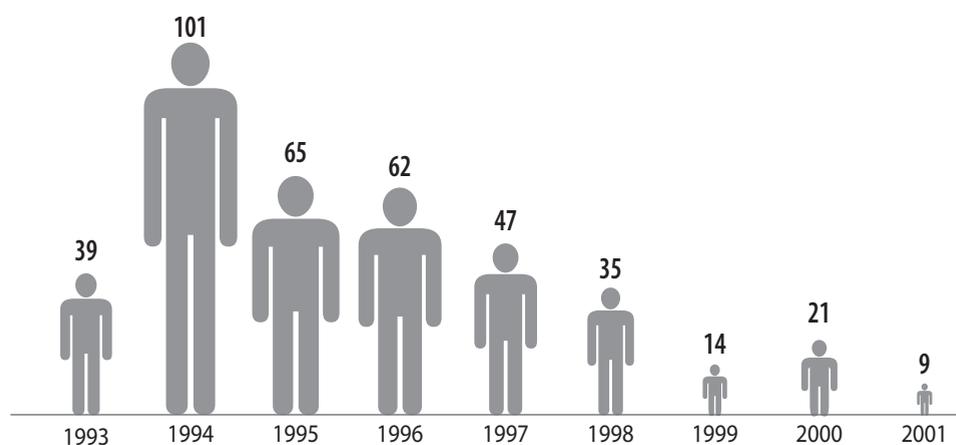

Рис. 1.20. Отток русских с Украины, 1993–2001 гг. (тыс. чел.)¹

Безусловно, реальные размеры оттока могли быть заметно больше. Но в любом случае речь шла о нескольких сотнях тысяч человек. А показатели естественного воспроизводства позволяют определить естественную убыль русского массива Украины за межпереписной период в 400–500 тыс. чел. Итак, его совокупные потери находились в пределах 1 млн чел. Остальные два миллиона зафиксированной демографической убыли следует отнести на счет идентификационного перехода из русских в украинцы.

¹ Речь идет о миграционном сальдо – «чистом» оттоке русских из Украины, количественном перевесе выехавших над приехавшими в страну в данном году. Заметим, что еще в 1992 г. количество въехавших на Украину русских превышало число выехавших на 12 тыс. чел. Очевидно, по инерции продолжали работать сложившиеся миграционные тренды – население бывшего СССР еще до конца не поверило (не почувствовало), что единая страна действительно распалась.

Это могла быть чисто социальная мимикрия, полезная в новых этнополитических реалиях смена персональной этнической «вывески». Но нередко происходила и действительная идентификационная трансформация. Причем процесс украинизации охватил не только биэтнических «русско-украинцев» или некоторых русских. К титульной нации во время переписи причислили себя и биэтнофоры других диаспор и этнических групп. Демографическая динамика практически всех национальных сообществ Украины в 1990-е гг. была отчетливо нисходящей, в том числе вследствие ассимиляции части общин титульным этническим большинством.

Но в максимальной степени ассимиляционную убыль несли самые близкие к украинцам народы, то есть русские и белорусы. Причем потери белорусской диаспоры, очевидно, были более значительными. Их численность в 1989–2001 гг. на Украине сократилась на 37,3 % (против 26,4 % у русских). Едва ли эта разница была связана с повышенной миграцией белорусов на историческую родину; а по коэффициенту естественного воспроизводства оба восточнославянских народа имели сближенные показатели. Очевидно, что белорусы (прежде всего, смешанное белорусско-украинское население) менее русских держались своей этнической принадлежности, при необходимости выбирая «целесообразную» в условиях постсоветской Украины идентичность.

География этнодемографической динамики отдельных регионов Украины фиксирует в 1990-е гг. абсолютно повсеместную убыль русского населения. Причем количественно максимальные потери понесли регионы юго-востока. «Русские» потери Донецкой области достигли почти полумиллиона человек, Харьковской и Днепропетровской – превысили 300 тыс. чел., Луганской – приближались к этой отметке. По 200 тыс. русских потеряли Одесская область и Киев. Даже русское население Крыма сократилось почти на 180 тыс. чел. (рис. 1.21).

На западе страны, где русских было на порядок меньше, существенно меньше оказалась и демографическая убыль. Однако в удельном разрезе она была еще более весомой, чем на юге и востоке страны. Две западные области (Львовская и Ивано-Франковская) утратили более половины своего русского населения, другие области – 40–45 % (против 20–30 % в регионах юго-востока).

Итак, повторимся, государственный курс на поступательную титулизацию местных русских оказался вполне успешным. Причем главную роль в данном процессе в 1990-е гг. играла не украинизация «чистых» русских, а идентификационная трансформация представителей биэтнического множества.

населения страны уже в середине 1990-х гг. были этническими «полу-украинцами». С учетом тех, кто имел треть/четверть украинской «крови», доля смешанной группы была еще выше. Данная этногенетически сложная компонента русских Украины являлась первым и самым массовым кандидатом на смену своей национальной идентичности. Однако биэтническая группа имела и вторую компоненту – «украино-русскую», тех, кто во время советских переписей, определялся как украинец. Согласно С. Савоскулу, 6 % украинцев имели русского отца, 8 % – русскую мать (то есть этнически «полурусскими» на Украине было 14 % украинцев, не считая имевших меньшую толику русской «крови»)¹.

Именно перемещением части представителей этого обширного биэтнического множества из русской своей компоненты в украинскую (и в обратном направлении), удельными подвижками в их соотношении в значительной степени и определялась общая демографическая динамика русского населения в советской и постсоветской Украине (рис. 1.22).

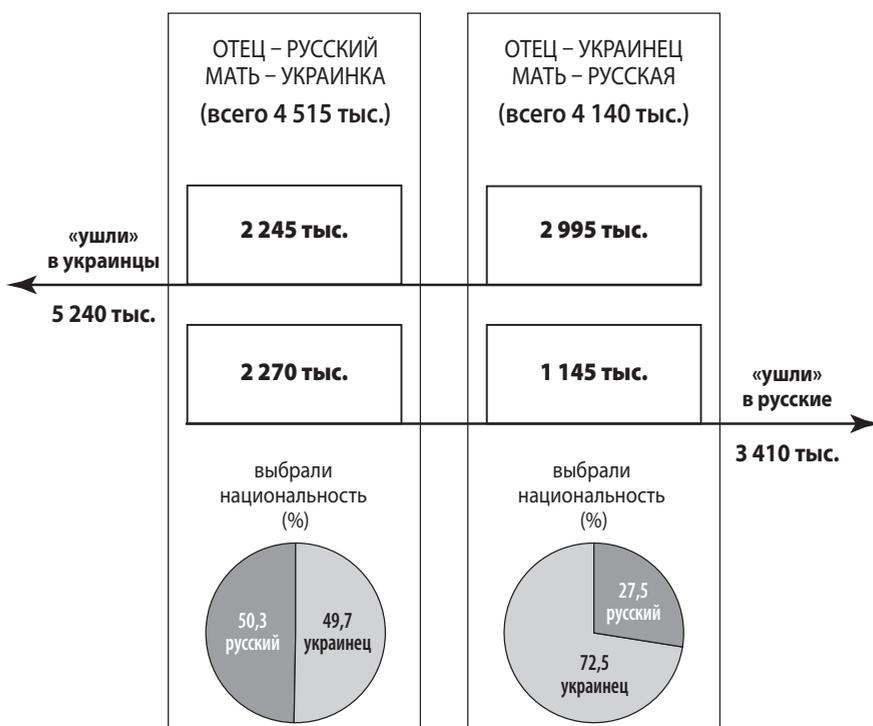

Рис. 1.22. Этническое самоопределение биэтнического (русско-украинского) населения Украины на начало 1990-х гг.

¹ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. С. 89.

Самая общая оценка, основанная на данных С.С. Савоскула и материалах украинских социологических структур (прежде всего Киевского международного института социологии), позволяет сделать вывод, что в конце 1980-х гг. общая биэтническая группа населения Украины делилась между русской и украинской идентификационными частями с определенным перевесом второй компоненты (соответственно 40 % на 60 %). К началу XXI в. русско-украинское население увеличилось на 2,5 млн чел. (с 8,6 до 11,1 млн). При этом его часть, идентифицирующая себя как украинцев, выросла до 70 % (соответственно, русская группа сократилась до 30 %). Эта внутренняя удельная перецентрировка, происшедшая в 1990-е гг. и обеспечила, с одной стороны, ускоренное сокращение русского массива, а с другой – позволила сохранить общую численность украинцев на Украине, терявшей население в результате естественной убыли и миграционного оттока.

Итак, к началу XXI в. русский массив Украины понес серьезные количественные потери. Но не менее существенными могли быть и потери другого рода. Как уже говорилось, отток русских с Украины в 1990-е гг. был достаточно ограниченным. Однако системное значение данного фактора для демографической перспективы местного русского массива было существенно выше его доли в общей убыли, поскольку миграционный отток в первую очередь формировался представителями ядерной группы русской общины – наиболее русскоцентричными ее представителями, не захотевшими оставаться на Украине в условиях нарастающего национализма. Если общая численность русских в стране сократилась более чем на четверть, то этнокультурное ядро русского населения могло потерять 30–40 % своей численности.

Начало XXI в. (2001–2013 гг.)

К сожалению, этнодемографическая динамика населения Украины последних 17–18 лет может быть представлена только в виде экспертной аналитики. Давно планируемая вторая перепись Украины переносилась несколько раз¹. Очевидно и то, что за прошедшее после переписи 2001 г. время национальная структура населения страны должна была претерпеть

¹ Назначенная на 2011 г., она была отодвинута на 2013 г., затем перенесена еще на один год. Но не состоялась и в 2014 г. В качестве новой предполагаемой даты озвучивались 2015–2016 гг. Но и в данное время перепись не состоялась, зато появилось распоряжение правительства о проведении переписи в 2020 г.

существенные изменения. Некоторое представление о ее возможных трендах в 2000-е гг. можно составить по аналогии с этнодемографической динамикой русского населения постсоветской Беларуси, в которой прошло уже две переписи населения (в 1999 и 2009 гг.) (рис. 1.23). Притом что уровень титульного национализма в Беларуси, как и степень этноцентризма в политике белорусской государственной власти после прихода А. Лукашенко, был существенно ниже, чем на Украине. Но даже демографическое сжатие, аналогичное белорусскому сценарию, должно было сократить русское население Украины в первом десятилетии XXI в. с 8,3 млн до 5,7–5,8 млн чел. В этом случае доля русских в населении Украины могла снизиться уже к 2011–2012 гг. до 13–13,5 %.

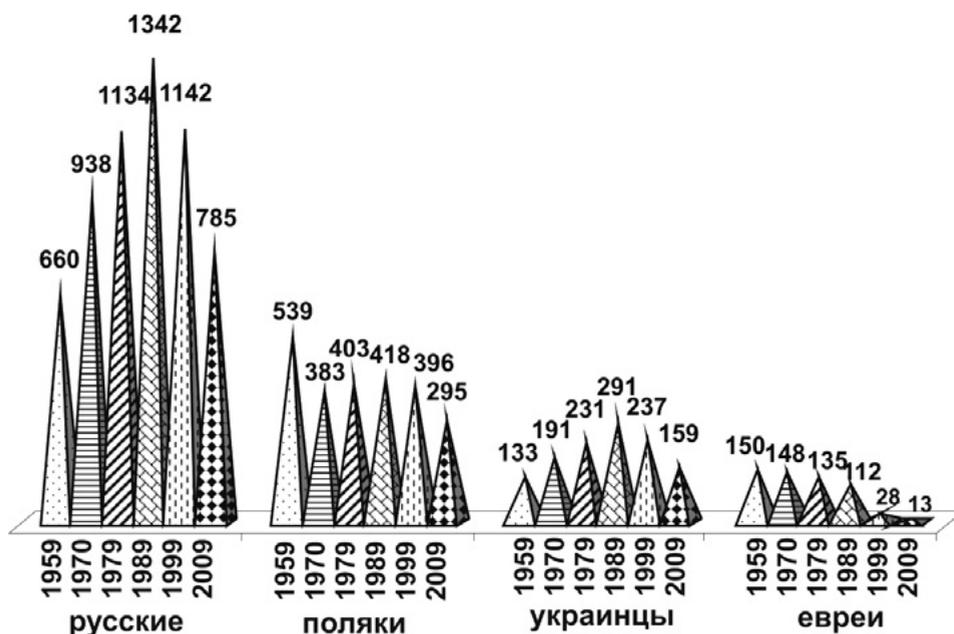

Рис. 1.23. Динамика крупнейших диаспор Беларуси, 1959–2009 (тыс. чел.)

Однако специалисты, отслеживающие этнодемографические процессы на Украине в начале XXI в., подтверждая вывод о заметной демографической убыли русских, называли существенно меньшие цифры. По мнению А. Позняка, заведующего отделом миграционных исследований киевского Института демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи, за период 2001–2013 гг. «доля украинцев уменьшилась, но на очень незначительную величину. Существенно сократилась доля русских, которых в настоящее время в стране

порядка 16–16,5 %. Мы изучаем только большие, многочисленные этносы – от 30 тыс. чел. и больше... Чем меньше этнос, тем меньше вероятность адекватной оценки. Поэтому о русских и украинцах я могу говорить с высокой степенью вероятности, что это достаточно точная оценка»¹.

Если озвучиваемая украинским демографом цифра (она относилась к январю 2014 г.) соответствовала действительности, долевые потери русской общины Украины в населении страны за период 2001–2013 гг. составляли около одного процента. А размеры ее за этот период сократилась «всего» на 1–1,2 млн (до 7,2–7,4 млн чел.). Такой сценарий можно было бы считать для русских страны едва ли не самым оптимистическим из всех реально возможных².

Определенные основания для такого прогноза всё же были, учитывая, что миграционный отток русского населения на протяжении 2000-х гг. оставался весьма незначительным (в среднегодовом исчислении составляя порядка 10–15 тыс. чел.), а следом за социально-экономической стабилизацией Украины начала сокращаться и естественная убыль русских (прежде всего за счет некоторого повышения рождаемости). Следует принять во внимание и приход к власти политической команды В. Януковича, значительно более взвешенной в проводимой национальной политике, чем откровенно украиноцентричная деятельность предыдущего президента В. Ющенко.

Иными словами, вторая половина нулевых была связана с определенным сокращением этнонационалистического прессинга на русское и русскоязычное население Украины, что могло найти отражение и в сокращении темпов перетока части представителей биэтнического множества из русской идентификационной компоненты в украинскую. Практической необходимости прятаться за собственную титульную составляющую у русско-украинских биэтнофоров в этот период было немного. Другое дело, что и в такой ситуации значительная (и все возрастающая) часть смешанной молодежи при национальном самоопределении отдавала предпочтение собственному «украинству»³.

¹ Миколок О.К. 2065 году нас будет 35 миллионов? // Газета «День»: day.kyiv.ua/ . 2014. № 15. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/k-2065-godu-nas-budet-35-millionov>

² Более того, данный темп демографического сжатия (12–14 % за 13 лет) был бы одним из самых минимальных в пределах всего ближнего зарубежья России (медленней сокращалась только русская община Эстонии).

³ Хотя едва ли приходится сомневаться, что если бы в соответствующей графе во время очередной переписи можно было ставить две национальности (аналогично тому, как можно иметь два гражданства), многие представители биэтнического множества на Украине в это время самоопределились бы одновременно как украинцы и русские.

Исходя из сказанного, общие демографические потери русских на Украине за период 2002–2013 гг. действительно могли ограничиться 1–1,2 млн чел. (естественная убыль – порядка 0,4–0,5 млн чел.¹, миграционный отток – в пределах 150–200 тыс. чел., ассимиляционные процессы – 0,4–0,5 млн).

Но есть и определенные основания предполагать, что расчеты численности и удельного веса наличного русского населения на начало второго десятилетия XXI в. украинскими демографами всё же были несколько завышены. И потому имеет смысл для оценки численности русских на Украине накануне ее социально-политического кризиса использовать не точную цифру, а количественный диапазон размером в 10 % от возможной величины русской общины, взяв за верхнюю границу данного диапазона озвученную украинскими специалистами цифры. Таким образом, численность русских на Украине в конце 2013 г. могла составлять порядка 6,5–7,3 млн чел.

События весны – лета 2014 г. самым существенным образом сказались не только на политическом ландшафте Украины и ее системной диспозиции между Западом и Россией, но и на этнодемографической структуре населения страны, как и на общей его численности. Включение в состав России Крыма и Севастополя «увело» из Украины 2,3 млн чел., в том числе 1,5 млн русских.

Здесь, конечно, необходимо принимать во внимание, что последняя цифра была получена в результате Крымской переписи населения 2015 г., проведенной, когда полуостров уже находился в составе РФ. Данное обстоятельство не могло не сказаться на самоидентификационном выборе русско-украинского населения полуострова. Число украинцев в Крыму (вместе с Севастополем) за период 2001–2015 гг. сократилось с 577 тыс. до 345 тыс. чел. (более чем на 40 %)². Нет никаких сомнений, что если бы данная перепись была проведена во время нахождения Крыма в составе Украины, например в начале 2014 г., русских на полуострове оказалось бы на 200–250 тыс. чел. меньше, а украинцев – на соответствующую величину больше.

Еще более значительные демографические потери Украины были связаны с появлением двух пророссийских, политически независимых от Киева самопровозглашенных республик Донбасса – Донецкой и Луганской. Учитывая условия их появления, военные потери с обеих сторон конфликта

¹ Если исходить из среднегодового коэффициента естественной убыли в пределах 4–5 ‰.

² Конечно, нельзя полностью списывать со счетов и отток украинцев из Крыма после смены его государственной принадлежности. Однако масштабы данного оттока оказались незначительными и составили всего несколько десятков тысяч человек, из которых не все были украинцами.

и многочисленные жертвы среди мирного населения, но прежде всего огромные масштабы миграции, рассчитать наличное население ДНР и ЛНР представляется возможным лишь в первом приближении.

Несмотря на то что территория двух республик составляет всего 18 тыс. км² (порядка 30 % площади Донбасса), в их пределах в довоенный период было сосредоточено порядка 60 % всего населения Донецкой и Луганской областей, то есть около 4–4,2 млн чел.¹ Однако период активных военных действий (лето 2014 г. и последующие несколько месяцев) был связан с масштабным оттоком населения как в пределы России, так и на территорию других регионов Украины. На своем пике данная волна беженцев могла достигать 1,5–2 млн чел., которые примерно в равной степени распределились между РФ и Украиной. Но даже к середине 2015 г. число беженцев и вынужденных переселенцев, существенно сократившись, всё еще достигало 1,2–1,3 млн чел.

А наличное население двух республик в это время могло составлять порядка 2,5–2,8 млн чел. (в ДНР около 1,5–1,7 млн чел., в ЛНР – 1,0–1,1 млн)². Определенная социально-экономическая и военно-политическая стабилизация на востоке Украины способствовала возвращению части беженцев, пополнявших как украинскую, так и повстанческую части Донбасса. Общая численность населения Донбасса в 2017–2018 г. могла составлять уже около 3 млн чел.

Таким образом, население Украины после потери Крыма и фактического выхода из состава страны Восточного Донбасса сократилось на 5,5–6 млн чел. и к середине 2016 г. составило порядка 39,5–40 млн чел. При этом убыль русских³, по нашим расчетам, составила 2,6–2,9 млн чел., украинцев – около 2,5 млн чел. В пределах территорий, контролируемых Киевом, численность русских в 2015–2016 г. могла находиться в пределах 3,8–4,5 млн чел. Таким образом, доля русских в населении страны к этому времени упала до 9,7–11,3 %⁴ (рис. 1.24; табл. 1.4).

¹ Поскольку речь идет преимущественно об урбанизированном поясе, протянувшемся на несколько десятков километров и включавшем четыре из пяти крупнейших городов Донбасса (Донецк, Макеевку, Горловку, Луганск), а также множество менее значительных центров.

² Суций С.Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. № 2. С. 90.

³ Включая представителей биэтнического множества с русским национальным самоопределением.

⁴ Заметим, что, оценивая среднесрочные перспективы русских в стране, А. Позняк предполагал, что к 2026 г. удельный вес русских снизится до 13,9 % (Миколюк О. К 2065 году нас будет 35 миллионов?) [Миколюк, 2014] (правда, речь шла об Украине с Крымом и Восточным Донбассом).

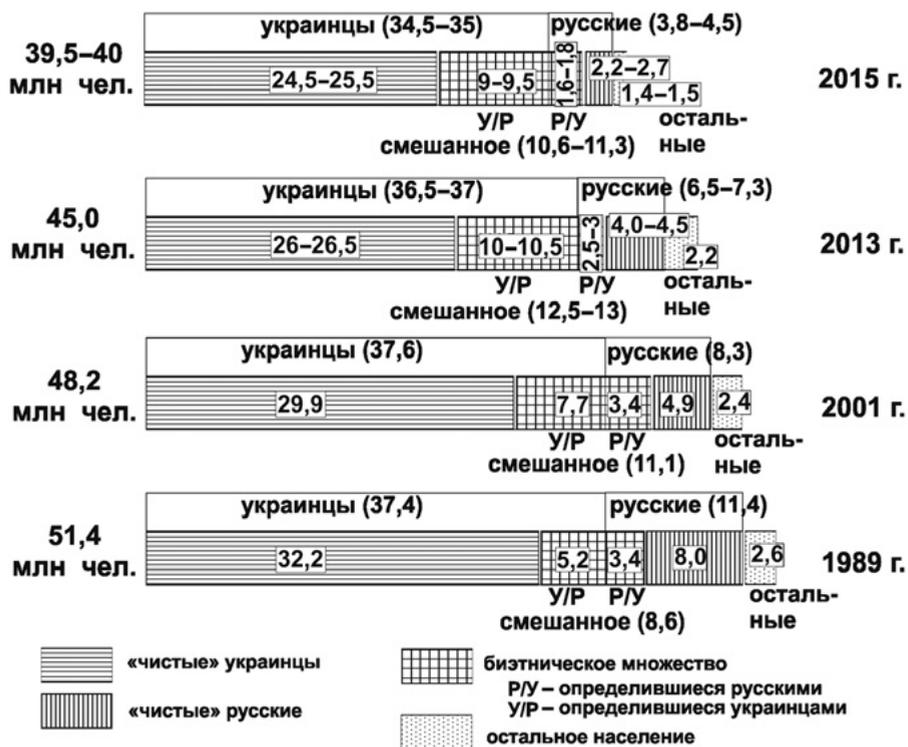

Рис. 1.24. Динамика крупнейших национальных сообществ Украины, 1989–2015 гг. (млн чел.)¹

Таблица 1.4. Динамика удельного веса крупнейших национальных сообществ в населении Украины, 1989–2015 гг. (%)²

Годы	Доля в населении Украины				Доля в населении Украины с учетом представителей биэтнического множества	
	«чистые» украинцы	биэтническое множество	«чистые» русские	остальные	украинцы	русские
1989	62,7	16,7	15,6	5,0	72,8	22,2
2001	62	23	10,2	5,0	78	17,1
2013	58–59	28–29	9–10	4,9	78–80	15–17,3
2015	62–64	27–28	5,6–6,8	3,5–3,7	87–87,5	9,5–11,2

¹ Расчеты автора.

² Расчеты автора.

География русского населения Украины в последние годы, хотя и не претерпела внутренних сдвигов, заметно трансформировалась самим фактом изменения ее территории. На позицию основных средоточий русских выдвинулись несколько других юго-восточных областей страны – Харьковская и Днепропетровская, а также Запорожская и Одесская. Однако и Донбасс, несмотря на потерю своих восточных, наиболее «русских» районов, остается в этом ряду. Прежде всего речь идет о Донецкой области, в «украинской» части которой всё еще проживает до 550–600 тыс. чел. русского населения. Таким образом, регион по этому показателю уступает только Харьковской области.

На пять перечисленных выше областей в настоящее время приходится порядка 65–70 % всего русского населения Украины¹. В их пределах доля русских остается достаточно высокой (в украинской части Донецкой области они могут составлять 30–33 %, в Харьковской и Запорожской – около четверти жителей, в Одесской – до 20 %, в Днепропетровской – в пределах 16,5–17 %). На остальной территории удельный вес русского населения, как правило, не достигает 10 %, а в 11 областях центра и запада Украины составляет отдельные проценты. Но, повторимся, наши расчеты численности и доли русских по регионам страны (рис. 1.25; табл. 1.6) с большой вероятностью фиксируют верхнюю (из реально возможных) планку данных показателей.

При получении расчетов мы исходили из нескольких предположений.

1. Доля русских в анализируемый период (2002–2013 гг.) сокращалась во всех без исключения регионах Украины. Иными словами, темпы депопуляции русских общин были более высокими, чем у всего населения территориальных сообществ.

2. Естественная убыль русских, несколько сократившись к началу 2010-х гг., до середины данного десятилетия оставалась на уровне ежегодных 3–4 ‰.

3. Миграционное сальдо русских для всех областей Украины было отрицательным. То есть русские теряли население за счет оттока.

4. В ассимиляционном обмене с украинцами русские повсеместно в пределах Украины теряли население.

5. Демографические потери русских отдельных областей Украины были как минимум на 1/3 выше, чем населения в целом. При этом они не могли за рассматриваемый период быть меньше 5–6 ‰. Таким образом,

¹ Если же к данной территориально-административной пятерке приплюсовать еще украинскую часть Луганской области и Киев, то на семь регионов придется уже около 80–85 % русского населения страны, притом что речь идет только о трети территории страны.

в украинских областях, потерявших за 2005–2013 гг. 7–10 % (и более) своих жителей, мы увеличивали данный показатель для местных русских на треть. Так же поступали и с регионами, в которых общая убыль населения составляла 4–6 %. Если же демографические потери регионов Украины составляли всего 2–3 % (как правило, такие территории располагались на западе страны), убыль местных русских определялась в 7–8 %. Это, конечно, условные цифры, поскольку ниже эти потери быть не могли, зато могли оказаться выше (и весьма значительно).

Речь идет о докризисной ситуации, и расчет не учитывал социально-политических и социопсихологических изменений, произошедших в украинском обществе после весны – лета 2014 г., которые должны были сократить численность русских минимум еще на несколько процентов (рис. 1.24) в результате «пиковой» консолидации общества на украиноцентричной платформе. В целом, даже не располагая точной статистикой, мы можем с достаточной уверенностью констатировать, что в первом десятилетии XXI в. процесс дерусификации западной и отчасти центральной Украины не только продолжился, но и в значительной степени был завершен.

Таблица 1.5. Динамика русских по регионам Украины, 1989–2013 гг. (тыс. чел., %)

Регионы, центр	Тыс. чел.			Доля в населении, %		
	1989	2001	2013*	1989	2001	2013*
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Крым **	1629,5	1450,4	1350–1380	67,1	60,4	57,6–58,9
Луганская	1279	991,8	840–865	44,8	39,0	38–38,7
Донецкая	2316,1	1844,4	1630–1680	43,6	38,2	37,6–38,8
Харьковская	1054,2	742	660–680	33,3	25,6	24,3–25
Запорожская	664,1	476,8	420–435	32	24,7	23,7–24,5
Одесская	719	508,5	460–480	27,2	20,7	19,3–20,1
Днепропетровская	935,7	627,5	540–570	24,2	17,6	16,4–17,3
Николаевская	258	177,5	155–165	19,4	14,1	13,3–14,0
Херсонская	249,5	165,2	145–150	20,1	14,1	13,5–14
Киев	536,7	337,3	300–310	20,9	13,1	10,6–11
Сумская	190,1	121,7	100–105	13,6	9,4	8,8–9,3
Кировоградская	144,1	83,9	70–72	11,8	7,5	7,1–7,3
Полтавская	179	117,1	100–105	10,4	7,2	6,9–7,1
Киевская	167,9	109,3	95–105	8,7	6	5,5–6,1

1	2	3	4	5	6	7
Черкасская	122,3	75,6	65–67	8	5,4	5,2–5,3
Житомирская	121,4	68,9	60–62	7,9	5	4,7–4,9
Черниговская	96,6	62,2	50–52	6,8	5	4,7–4,9
Черновицкая	63,1	37,9	33–36	6,7	4,1	3,6–4,0
Винницкая	112,5	67,5	55–60	5,9	3,8	3,5–3,7
Хмельницкая	88	50,7	45–47	5,8	3,6	3,4–3,5
Львовская	195,1	92,6	80–87	7,1	3,6	3,3–3,4
Ровенская	53,6	30,1	25–27	4,5	2,6	2,3–2,5
Закарпатская	49,5	31	27–29	4	2,5	2,1–2,3
Волынская	46,9	25,1	22–24	4,7	2,4	2,1–2,3
Ивано-Франковская	57	24,9	20–23	4	1,8	1,6–1,7
Тернопольская	26,6	14,2	11–12	2,3	1,2	1,0
Вся Украина				22,1	17,3	16,3–16,8

Примечание: * – оценка автора; ** – вместе с Севастополем.

Рис. 1.25. Примерная численность русского населения в регионах Украины, 2015–2016 гг. (тыс. чел.)¹

¹ По оценке автора.

Итак, количество русских на Украине на всем протяжении постсоветского периода сокращалось. Максимальные темпы этот процесс демонстрировал в начале – середине 1990-х гг., когда в Россию вернулись сотни тысяч русских и уже значительных величин достигла естественная убыль. Существенную роль в депопуляции русского населения с этого времени начинает играть и ассимиляция. Однако в 2000-е гг. скорость данного нисходящего демографического тренда существенно замедлилась, и основные потери русских были связаны с отрицательной естественной динамикой. Очевидно, что продолжала свою работу и постепенная украинизация, но масштабы ее заметно сократились.

Только кризис 2014 г. и резкое ухудшение взаимоотношений двух стран вновь предельно актуализировали вопрос о перспективах (в том числе демографических) русских на Украине.

1.6

СЦЕНАРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РУССКИХ В БЛИЖАЙШЕЙ И СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Демографические перспективы в самой значительной степени зависят от структурной и количественной динамики русско-украинского биэтнического множества, национального самоопределения его представителей.

Как мы видели, смешанное население, в отличие от двух «чистых» национальных сообществ (русского и украинского), имеет тенденцию к росту. В течение 1990-х гг., когда доля «чистых» русских в населении Украины сократилась с 15,5 % до 10 %, а украинцев – с 62,5 % до 62 %, удельный вес русско-украинцев вырос с 16,7 до 23 %. Очевидно, что за прошедшие два десятилетия это множество увеличилось еще больше (табл. 1.6).

Впрочем, рост данного биэтнического множества вполне укладывается в государственную схему постепенной украинизации местного русского населения, поскольку в первую очередь размывается его «беспримесное»

этническое ядро. По данным С.С. Савоскула, уже в середине 1990-х гг. 45 % семейных русских имели супруга-украинца. Неизвестна разбивка этого множества по различным возрастным группам. Но не вызывает сомнения, что с течением времени данный показатель как минимум не сокращался. Скорее, доля смешанных браков возрастала. В возрастных генерациях русских Украины, находящихся в репродуктивном возрасте, данный показатель в 1990-х гг. был выше 50 %.

Таблица 1.6. Динамика удельного веса крупнейших этнических множеств в населении Украины, 1989–2015 гг. (%)

Годы	Доля в населении Украины				Доля в населении Украины с учетом представителей биэтнического множества	
	«чистые» украинцы	биэтническое множество	«чистые» русские	остальные	украинцы	русские
1989	62,7	16,7	15,6	5,0	72,8	22,2
2001	62	23	10,2	5,0	78	17,1
2013*	56,7–57,8	30,4–31,8	8,7–8,9	2,9–3,8	80–82,2	14,9–16,2
2015–2016*	62–62,5	27,8–29,0	5,6–6,2	3,0–3,8	84,8–86,3	10,6–11,5

Примечание: * – по оценкам автора.

Таким образом, следующая генерация местных русских уже заметно больше чем на половину должна была состоять из русско-украинских «полукровок». А с учетом всех имеющих украинскую этническую «примесь» речь может идти о 70–80 % всего русского массива Украины. Принимая во внимание прошедшие после исследования С. Савоскула 20 лет, можно констатировать: время этого «украиноэтнического» поколения русских уже наступает. Если в 1989 г. на Украине проживало порядка 8 млн русских, не имевших украинских этнических корней, то в 2001 г. только 4,8 млн чел. К настоящему времени и это число могло сократиться еще в два раза (до 2,2–2,7 млн).

Проведенные расчеты данный вывод, на первый взгляд, не подтверждают (табл. 1.7). Действительно, если в 1990-е гг. доля представителей биэтнического множества в составе русского населения Украины выросла с 30 % до 41 %, то в начале XXI в. она даже несколько сократилась и вновь пошла вверх только после 2014 г. Однако произошло это из-за опережающего количественного сокращения русской части сме-

шанного населения в связи с его поступательной идентификационной перецентрировкой и нарастающим доминированием украинской части.

Как видим, если на рубеже 1990-х гг. из сотни представителей биэтнического множества почти 40 человек национально самоопределялись как русские, то к рубежу XXI в. уже только 30, а к 2014 г. – порядка 20 человек. В современных территориальных контурах Украины этот показатель еще ниже. В настоящее время едва ли не подавляющая часть этнических русско-украинцев (порядка 80–90 %) при национальном самоопределении выбирает свою титульную составляющую.

Таблица 1.7. Структурная динамика представителей биэтнического множества Украины, 1989–2015 гг.

Годы	Распределение представителей биэтнического множества, %		Доля представителей биэтнического множества в составе, %	
	самоопределившиеся украинцами	самоопределившиеся русскими	украинцев Украины	русских Украины
1989	60,5	39,5	14	30
2001	69,4	30,6	20,5	41
2013*	77–81	19–23	28,5–29,0	37,0–38,5
2015*	80–90	10–20	27–28	40–42

Примечание: * – по оценкам автора.

Одно это обстоятельство позволяет сделать несколько общих предположений. Прежде всего, не вызывает сомнения, что следующая украинская перепись зафиксирует повсеместное и самое значительное сокращение русского этнического присутствия на Украине. А в пределах этого сильно «сжежившегося» демографического массива самым существенным образом возрастет доля смешанного населения. Этой внутренней трансформации русского населения перепись, конечно, не отразит. Но очевидно, что этническое ядро общины понесет серьезные количественные потери, пострадает сильнее, чем полупериферия и периферия русского мира Украины. Между тем процесс этнического смешения будет продолжаться и дальше, со всеми вытекающими последствиями.

Справедливости ради отметим и противоположную тенденцию: рост этнически смешанного населения среди тех, кто во время переписи определяется как украинец. В середине 1990-х гг. 21 % из них имели русского супруга (супругу). Таким образом, следующее поколение титульного народа Украины также оказывается более этнически смешанным, чем все предыдущие. В настоящее время примесь русской

«крови» имеет порядка 27–28 % украинцев¹, а среди представителей украинской молодежной генерации этот показатель еще выше (треть, если не более). Свою роль будет играть и продолжающийся переход в украинцы представителей всех других народов страны.

Итак, число «чистокровных» представителей у обоих крупнейших народов Украины будет устойчиво сокращаться. Но этот процесс, повторим, не мешает опережающему размыванию именно русской общины, поскольку основная часть этнически смешанного населения определяется как украинцы. Если ограничиться анализом чисто этнической динамики, современное положение русских на Украине едва ли не зеркально повторяет ситуацию, которая сложилась на Юге России в 1920-е гг., когда местный украинский массив, внешне сохраняя внушительные количественные масштабы, на деле в значительной степени уже состоял из смешанного, полуассимилированного населения. И оказалось достаточно определенных подвижек социально-политического плана, чтобы мощная украинская община количественно обрушилась, сократившись к концу 1930-х гг. сразу на математический порядок.

Вопрос не в том, повторится ли эта история снова. Динамика русских на постсоветской Украине 1990-х гг. указывает, что сценарий будет несколько иным: не стремительное обрушение, а более или менее интенсивное сжатие, идущее от десятилетия к десятилетию. Однако даже простая пролонгация существующих тенденций в будущем на 30–40 лет сводит русское этническое присутствие на Украине до размера крупной диаспоры, размером 1,2–1,5 млн чел.

Но насколько корректна такая прямолинейная проекция? Существует ли у этого устойчиво нисходящего демографического тренда некий количественный порог, по достижении которого русская община Украины может стабилизироваться или по крайней мере существенно замедлить дальнейшее сокращение? И на каком уровне (в каком количественном диапазоне) эта зона стабильности предположительно располагается? Какие факторы работают на активизацию демографического сжатия русского массива Украины, а какие ограничивают его?

Едва ли возможно дать точные ответы на перечисленные вопросы. Но можно сделать несколько предположений, которые должны опираться на динамические тенденции не только в этнодемографической, но и в социокультурной, языковой сфере, учитывать особенности статусной композиции украинского и русского народов как на Украине, так и за ее пределами.

¹ В конце 1980-х гг. данный показатель не достигал и до 14 %.

Социокультурные и «национально-статусные» аспекты этнодемографической динамики русских на Украине

Как уже отмечалось, системная близость русских и украинцев существенно облегчает процесс ассимиляции этнического меньшинства большинством, позволяя постепенно растворять даже мощные этнические массивы (будь то украинцы на Юге России или русские юго-восточного пояса Украины). Но самостоятельное значение имеет соотношение системных статусов каждого из двух народов, способное облегчить или, наоборот, осложнить и замедлить процесс этнокультурного «переваривания» их диаспор.

Неравенство государств, выстраивающих определенную иерархию, доходчиво проиллюстрировано В. Маяковским в стихотворении о советском паспорте («К одним паспортам – / улыбка у рта, / К другим отношение плевое...»). Но существует и условная «иерархия» народов, в которой русские на достаточно почетном месте, как одна из ведущих наций человечества, внесшая заметный вклад в науку, технику, культуру, спорт, другие важные сферы социальной деятельности, наконец, государствообразующая в мощной державе – одном из геополитических центров мира. По всем этим позициям титульная нация Украины существенно уступает русским. Иными словами, системный престиж русского народа (а значит, в определенной степени и принадлежность к нему) оказывается выше, чем у нации украинской.

Однако внутри Украины статусная диспозиция русских и украинцев в настоящее время является противоположной. Принадлежность к титульной национальности не только психологически более комфортно, но и дает определенные социальные преимущества. А после 2014 г. системное давление на местное русское население заметно возросло. Причем уже не только со стороны государства, но и гражданского общества, существенно нарастившего градус своей украиноцентричности. В такой ситуации даже у тех, кто не захочет отказываться от своей «русскости», вполне естественно будет наблюдаться рост маскировочных практик, помогающих в целях безопасности (комфорта, карьеры и т.п.) сливаться с окружающей украиноцентричной средой. Но хорошо известно, что социопсихологическая маскировка постепенно прорастает внутрь, способна становиться личностным содержанием.

Конечно, включение Крыма в состав РФ весной 2014 г. консолидировало не только сторонников украинской нации, но и «русскую» Украину. Восставший Донбасс, новая политика Москвы по «русскому» вопросу (в т.ч. множественные декларации о готовности жестко и последовательно защищать интересы русского и русскоязычного населения украинского Юго-Востока) работали на мобилизацию русскоцентричного сообщества Украины, пробуждая заглохшее за последние два десятилетия русское начало даже у части биэтнического населения.

Однако уже к середине – концу мая 2014 г. данное движение, получившее название «русской весны», на Юго-Востоке было практически задавлено. А трагические события в Одессе, повлекшие за собой гибель десятков пророссийских активистов, стали для русских Украины сильнейшим потрясением, «прививкой страха» на многие годы вперед. Между тем трагедия в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. была только началом. С этого времени страхотерапия русского (и шире – русскоцентричного) населения становится на Украине одной из основных форм его «перевоспитания», если не сказать подавления и системной маргинализации¹.

Русские, не готовые смириться с нарастающей «украинизацией» социальной повседневности своих региональных сообществ, скорее всего, предпочтут отъезд в Россию, а среди оставшегося русского населения страны будут абсолютно доминировать адаптивные, приспособленческие стратегии, ускоряющие его титулизацию.

Но очевидно и то, что в пределах ассимилируемого русского массива, как и всего биэтнического множества Украины, всегда будет оставаться определенное число людей, учитывающих потенциальную целесообразность сохранения своей русской идентичности. Не говоря о тех, для кого принадлежность к одной из ведущих наций мира просто является неразменной ценностью. Наконец, следует учитывать тех, для кого переход в украинцы являлся вынужденной мимикрией – этническим «коллаборационизмом». При изменении социально-политической ситуации часть

¹ Своего рода воспитательной мерой можно считать и масштабную военную операцию, развернутую украинскими силовиками в Донбассе. Ее проведение полностью дискредитировало грозную риторику Москвы о защите «соотечественников», окончательно отбив желание у пророссийски настроенного населения Юго-Востока выступать с открытым протестом. Тем более что весной – летом 2014 г. служба безопасности Украины (СБУ) зачистила всех «засветившихся» в таких протестах активистов. Счет задержанных и заключенных под стражу шел на многие тысячи (они проходили по статьям за терроризм, экстремизм, госизмену, сепаратизм, попытку подрыва территориальной целостности).

таких «новых украинцев» может вернуться в русские даже десятилетия спустя¹.

Иными словами, фиксируемое всеми будущими украинскими переписями число русских не будет отражать реального этнокультурного присутствия русского мира на Украине. Аналогично тому как доля украинцев в населении Кубани в настоящее время ничего не говорит об украинской «этнокультурной Атлантиде», ушедшей здесь на дно 60–80 лет назад. С той разницей, что последняя, судя по всему, уже не имеет шансов актуализироваться в социальной жизни, а формируемый в постсоветские десятилетия скрытый русский этнический материк Украины такой способностью по-прежнему обладает и будет сохранять ее еще достаточно долгое время.

Данное утверждение также основывается на существенных различиях ассимиляционного процесса в России первой трети XX в. и на современной Украине. Комплексная ассимиляция предполагает определенную этапизацию, последовательность и системность этнокультурной метаморфозы, постепенного выхода из состава одной национальной общности с поступательным вращением в другую. Непосредственно идентификационную (ассимиляционную) стадию предваряет культурно-языковой (аккультурационный) этап.

Именно так происходило растянутое во времени «превращение» кубанских украинцев в русских. Процессы языковой русификации проявляются с пореформенного времени, заметно усиливаясь в начале XX в. Перепись 1926 г. фиксировала уже весьма значительные масштабы русскоязычия местных украинцев. Показательна ситуация в различных округах, составивших впоследствии Краснодарский край. В Армавирском округе при 33 % украинского населения украиноязычных жителей было только 8,0 % – ¼ местных украинцев, поменяв родной язык, демонстрировали высокую степень обрусения. В Майкопском округе таковых было ⅔, в Черноморском – более половины².

Итак, массовой смене этнической самоидентификации южнороссийских украинцев предшествовала масштабная культурно-языковая русификация. Существенно иным в этом плане является украинизация русского населения

¹ Их количество зависит и от того, каким будет место России в мировом сообществе, насколько она окажется успешной в современном мире. Наконец, зависит от отношений РФ и Украины.

² Только в Кубанском округе, историческом средоточии краевого «украинства», основная масса украинского населения (около 80 %) всё еще сохраняла язык своей исторической родины. Но процессы аккультурации набирали силу и на этих территориях.

современной Украины. Число русских в стране неуклонно сокращается. Но процесс этот практически не поддержан языковой «украинизацией» населения. Причем не только русского, но и всего остального, включая представителей титульной нации (рис. 1.26).

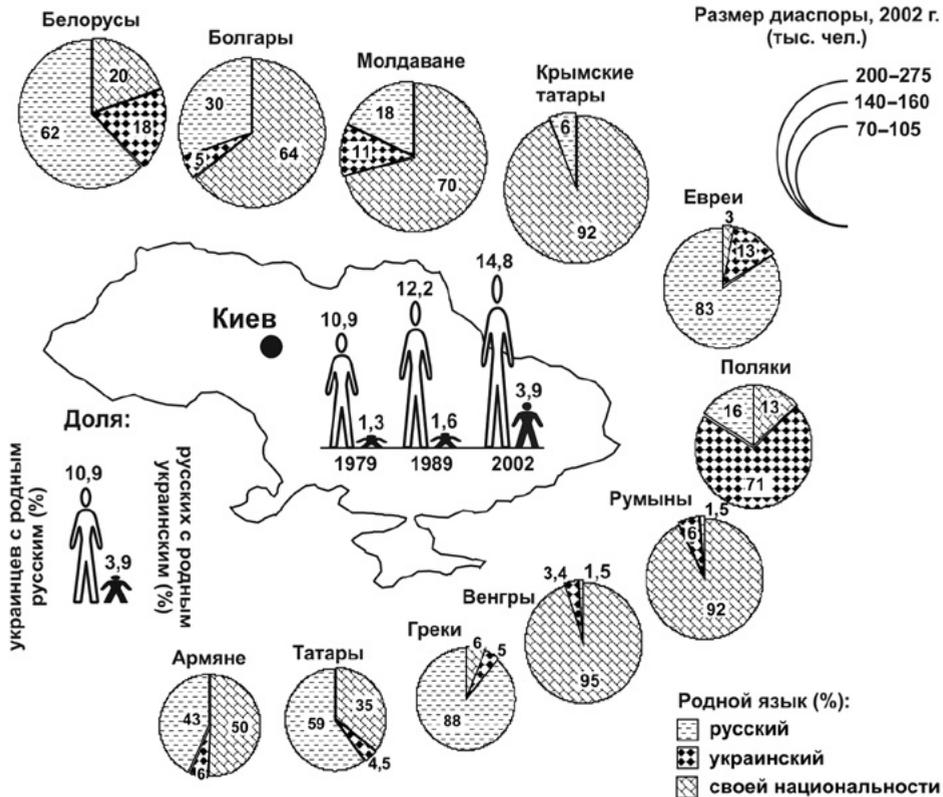

Рис. 1.26. Родной язык представителей крупнейших диаспор Украины; языковая аккультурация украинцев и русских, 2001 г. (%)

Согласно результатам социологического опроса, выполненного в 2008 г. в рамках комплексного исследования «Проект страны» Киевским институтом проблем управления им. Горшенина, 49,5 % украинцев разговаривает дома преимущественно на украинском, 46,5 % – на русском.

Более того, данные переписи 2001 г. указывали на то, что русский язык даже укреплял свои позиции у титульной нации Украины. Доля украинцев, для которых он являлся родным, за 1989–2001 гг. возросла. Впрочем, этот рост как раз мог быть связан с процессом украинизации русского массива. «Бывшие» русские, самоопределившись украинцами, остались верными

своему родному языку, «ассимилировались» без предварительной аккультурации. Но очевидно, что надежность такой ассимиляции невелика и в целом конъюнктурна. Устойчивое русскоязычие (и «русскокультурие» в широком смысле) сохраняет для его носителя возможность идентификационной инверсии.

Даже 100 %-ный этнический украинец (с родным русским) при определенных условиях может национально самоопределиться как русский. Что же говорить о русско-украинских «полукровках», причисливших себя к титульной нации? И власть прекрасно это понимает, усидчиво выдавливая русский язык из всех социальных институтов и структур повседневности украинского общества.

Повторимся, «популярность» русской идентичности и востребованность русского языка на современной Украине сильно разведены. Первая, очевидно, отстывает, но русский как один из «региональных» мировых языков дает своим носителям широкие возможности для межнационального общения, образования, получения самой разнообразной информации, культурного потребления и создания нового знания. Во всех этих аспектах он оказывается предпочтительней украинского. И, как результат, не только абсолютно доминирует у местного русского населения, но и сохраняет устойчивые позиции в украинской среде.

В этом плане русский язык на Украине только частный случай планетарного тренда – стремительно нарастающей коммуникационной взаимоувязанности мира. А в данном процессе системные преимущества получают «центральные» языки мирового сообщества. Прежде всего английский, прочно занимающий позицию глобального языка. Но определенные преимущества оказываются и в распоряжении ряда международных языков, имеющих достаточно широкое хождение в отдельных регионах мира. К числу таких региональных мировых языков, наряду с французским, испанским или арабским, принадлежит и русский.

Уступая английскому, эти языки в силу многочисленности носителей, общей продуктивности и творческой мощи своих центральных народов широко используются представителями множества других национальных сообществ, втянутых в формируемые этими языками социокультурные «ойкумены». Культурные горизонты, креативные и познавательные-коммуникационные возможности данных социокультурных пространств оказываются куда шире, нежели у полей,

порождаемых национальными языками, не входящими в число мировых лидеров. У носителей «обычных» языков (культур) остается одна возможность подключиться к мировому социокультурному процессу – массово освоить английский или по крайней мере один из региональных языков мирового сообщества. Очевидно, что первый путь предпочтительней. Но если «под рукой» есть региональный язык, то выбор населения останавливается именно на нем.

Современные украинцы не исключение. Изучение английского (особенно до уровня свободного владения) требует от них значительных усилий и оказывается под силу далеко не каждому. Между тем практически без усилий в распоряжении оказывается отличное вербальное средство (полезный социальный ресурс, а параллельно инструмент познания мира), сознательно пренебрегать которым, полностью переходя на «мову», могут только крайние националисты. Особенно если принять в расчет мощный творческий потенциал и продуктивность русской культуры, уровень развития российского информационного поля и всей сферы электронных коммуникаций. И потому «победить» русский язык на Украине будет очень сложно, даже после кризиса 2014–2015 гг. и очевидного подъема украинского национального самосознания¹.

Итак, русская культурно-языковая принадлежность оказалась гораздо устойчивее идентификационной привязки. Проигрывая этнически, русский мир Украины на протяжении постсоветского периода достаточно уверенно сохранял свои социокультурные позиции, связанные с присутствием и широким распространением русского языка, а через него – русской культуры и еще шире – русской ментальности, отчасти и русского культурного кругозора («русскоцентричного» взгляда на мир)².

Это прекрасно понимает и современная украинская власть, предпринимающая все усилия для того, чтобы коренным образом изменить культурно-языковую ситуацию в стране. Показательно содержание аналитического

¹ Показательно, например, что русский является основным языком для интернет-пользователей даже на Западной Украине. Можно только представить, как должны сетовать последовательные украинские националисты на раздражающую близость русского и украинского языка и мощную традицию русскоязычия, максимально облегчающую для украинца включение в русское социокультурное пространство. Насколько более «выгодным» в этом плане оказывается положение венгра или румына, хорвата или поляка, не имеющих столь развитого и при этом столь этнокультурного близкого соседа, а потому вынужденных сразу обращаться к освоению английского языка.

² Учитывая, что человеческая реальность в значительной степени бессознательно отстраивается на базе языка.

доклада «О внутреннем и внешнем положении Украины в сфере национальной безопасности» (подготовлен Национальным институтом стратегических исследований), который был положен в основу принятой в 2015 г. и целенаправленно реализуемой современной украинской властью «Стратегии национальной безопасности». Согласно этому документу Россия не только основной источник военной опасности для Украины, но и центральная угроза в гуманитарной сфере.

Именно отсутствие в стране окончательно сформированного укрαιноцентризма создает «фундаментальные угрозы самому существованию Украины как независимого национального государства: языково-культурная, информационная, политика исторической памяти и конфессиональная... Они кажутся материально неосязаемыми, но по своей природе являются стратегической угрозой № 1 и миной замедленного действия под сооружением украинской государственности... Российский властный политикум решил, что способом создания “Украины без украинцев” должна стать не столько война и/или геноцидное уничтожение украинской нации, сколько гуманитарная агрессия...»¹.

Главной опасностью в языково-культурной сфере является русский язык, и прежде всего «требование предоставить ему статус второго государственного... Должны быть созданы эффективные средства противодействия культурной экспансии России, которую она методично осуществляет через своих многочисленных агентов (компании, издательства, сети распространения книг)...»

Россия является виновницей и того, что «в Украине до сих пор не сформировано устойчивое украинское культурное поле». В информационной сфере признаны «особо опасными» российские кинофильмы и интернет-сайты. Высказано особое огорчение тем, «что абсолютное большинство наших граждан свободно владеет русским языком» и что множатся жалобы на «недостаточную развитость» украинского сегмента Интернета².

Очевидно, что украинские власти будут продолжать делать всё возможное для реализации стратегического курса страны, системным центром которого является содержательная связка западоцентризм – антироссийскость. С 2014 г. антироссийский информационный прессинг усиливается

¹ Дегтярь И. Русофобия как новое измерение стратегии национальной безопасности Украины // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/dekabr/16/ (дата обращения: 27.03.2019).

² Там же.

множественно, практически не оставляя надежды проходящим сквозь него новым поколениям молодежи (начиная с дошкольного возраста) сохранить положительное отношение к России¹. А значит, процесс поступательно нарастающего отчуждения украинского и российского общества пролонгирован на десятилетия вперед. В социальную жизнь страны одно за другим будут входить новые поколения националистически настроенной украинской молодежи, вытесняя путем естественной смены старшие возрастные группы носителей/хранителей памяти общего русско-украинского прошлого².

При этом надеяться на смену данного государственного курса Украины уже не приходится. События 2014 г. окончательно отформатировали всегда существовавшую россиебоязнь украинской национальной элиты (и значительной части всего политически активного класса) в полноценную мощную фобию. То есть усилили иррационально-эмоциональную компоненту данного психологического комплекса, а параллельно существенно нарастили его прикладную политтехнологичность.

Антироссийская карта на Украине окончательно приобретает способность актуализироваться по любому поводу, как реальному, так и надуманному, серьезно усиливая манипулятивный потенциал управления обществом со стороны его политической элиты. Генерации действующих политиков и управленческие команды в стране будут меняться, но указанная содержательная связка (западоцентризм – антироссийскость) теперь неперемнная черта проводимого ими государственного курса.

А значит, при любых возможных вариациях и «меандрах» будущей этнополитической динамики Украины основной ее тренд очевиден. Что представляла собой Украина до 2014 г.? Европоцентричное и определенно антироссийское государство (при всех политических генерациях власти, включая даже восточно-украинскую по своему территориальному генезису команду В. Януковича). Но при этом расколотое общество, цивилизационно устремленное одновременно на Запад и Восток, с некоторым

¹ Единицы, способные устоять перед таким сопряженным облучением системы образования, государственных СМИ и «улицы», могут не приниматься в расчет.

² Заметим, что данное комплексное идеологическое облучение включает и очевидную ценностно-идентификационную составляющую. Понимая, что не только для большинства русских, но и немалой части представителей биэтнического множества системная статусность русского народа (а значит, и принадлежности к нему) может котироваться выше статуса украинца, власть последовательно работает над принижением России и ее исторических достижений; параллельно настойчиво подчеркивая европейскую принадлежность украинского народа (таким образом компенсируя очевидную бедность собственных достижений в основных сферах социальной жизни системными успехами всей европейской цивилизации). И данная манипулятивная технология также может иметь успех – быть европейцем (пусть даже периферийным) для части идентификационно колеблющегося населения оказывается более престижно, чем принадлежать к более крупному и яркому, но «варварскому» русскому народу.

количественным перевесом западнорусского населения. Из кризиса и военного «поражения» 2014 г. однозначно европоцентричным и антирусским выходит не только Украина-государство, но и украинское общество. Произойдет это не одновременно. Но еще 10–20 лет, и рядом с Россией с большой вероятностью сформируется достаточно консолидированный национальный социум, потерянный для любой формы добровольной социально-экономической и культурной интеграции с Россией.

Данное обстоятельство будет оказывать непосредственное (и однозначно отрицательное) влияние на количественную динамику русского населения Украины, и прежде всего его биэтнической группы, к которой в настоящее время может принадлежать $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{2}$ русских Украины. В условиях устойчивой враждебности двух стран необходимость этнической маскировки будет способствовать быстрой и самой значительной украинизации данной группы. А дальнейшее смешение непосредственно русского населения может значительно ускорить процесс этнической унификации населения всей Украины.

Оценка количественной динамики русских Украины в среднесрочной перспективе

Очевидно, что в современных обстоятельствах любой прогноз количественной динамики русского населения Украины является предельно сложной и весьма приблизительной аналитической процедурой, поскольку любые оценки его численности уже после 2001 г. являются экспертными расчетами. Мы не знаем, сколько русских было на Украине в 2010 г. или в 2013 г.; сколько их осталось в 2015 г. В такой ситуации прогноз на перспективу становится определением количественного диапазона с возможностью еще большей погрешности, чем расчетные оценки размера русской общины страны, выполненные для начала 2010-х гг. Но представляется, что и погрешность в 10–20 % не полностью аннулирует возможную эвристическую ценность такого прогнозного расчета, позволяя представить хотя бы самую общую демографическую перспективу всё еще самого крупного средоточия русского народа за пределами самой России.

В своих среднесрочных прогнозах мы исходили из уже выполненных для середины 2010-х гг. расчетов, т.е. из того, что в конце 2014 г. на Украине (без Крыма и Восточного Донбасса) проживало порядка 3,8–4,5 млн русских. В существующих обстоятельствах на дальнейшее сокращение этого

количества работали все три фактора – естественная убыль, отток и ассимиляция.

Естественная убыль и до кризиса составляла у местных русских порядка 3–4 ‰ в год. То есть находилась на уровне показателя убыли всего населения Украины, которая в начале 2010-х гг. колебалась в диапазоне 3–3,5 ‰. В середине – второй половине этого десятилетия размеры данного показателя у населения Украины непрерывно росли – в 2018 г. естественная убыль составила 6 ‰. Причем в большинстве областей русского пояса она была еще выше – более 10 ‰ на контролируемых Киевом территориях Донбасса: 8,5–8,8 ‰ в Днепропетровской, Запорожской и Харьковской областях; 6,8–7,1 ‰ – в Николаевской и Херсонской¹.

Есть все основания полагать, что при общей социопсихологической подавленности, снижающей репродуктивную активность и повышающей смертность, естественная убыль современных русских Украины была выражена более отчетливо, чем у остального населения южных и восточных областей страны, т.е. превосходила ее еще на 1–1,5 ‰, подскочив за несколько лет с 3–4 ‰ до 8–9 ‰. Таким образом, естественная убыль за 2014–2020 гг. может сократить число русских Украины на 3,5–4 % (на 130–180 тыс. чел.).

Должны были вырасти и масштабы миграционного оттока русского населения. Напомним, что в 1994–1997 гг. он составлял 50–100 тыс. чел. в год, сократившись в начале XXI в. до ежегодных нескольких тысяч. В условиях мощного антироссийского прессинга эта цифра в 2014 г. могла вырасти в разы. Если определить ее для 2014 г. в 30 тыс. чел. (для территорий, контролируемых Киевом), для 2015 г. – в 20–25 тыс., а для 2016–2020 гг. в ежегодные 10–12 тыс., мы получим для всего периода 2014–2020 гг. цифру в 100–120 тысяч. Что, скорее всего, будет меньше реальной величины оттока.

Можно также предположить, что в силу разных причин 10–20 % представителей биэтнического множества, еще в начале 2014 г. самоопределявшихся как русские, в дальнейшем изменили (или до 2020 г. изменят) свою самоидентификацию на украинскую или любую другую. Это может привести к потере еще порядка 160–350 тыс. русского населения на Украине.

Таким образом, общая численность последнего за 2014–2020 г. способна сократиться на 350–600 тыс. и составить 3,4–3,9 млн чел. (из которых 1,3–1,5 млн может приходиться на представителей биэтнического множества). Таковы могут быть в самом общем приближении краткосрочные перспективы русских на Украине.

Для положительного (оптимистического) сценария демографической динамики русского населения Украины в 2020-е гг. в качестве базовых параме-

¹ Государственная служба статистики Украины. 1998–2019. URL: <http://ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 27.03.2019).

тров можно принять ежегодную естественную убыль в размере 3–4 ‰; отток порядка 8 тыс. чел. в год; идентификационные потери в размере 10–15 % от общей численности биэтнофоров, самоопределяющихся русскими. В этом случае за период 2021–2030 гг. численность русского населения на Украине сократится на 300–450 тыс. чел. и составит на рубеже четвертого десятилетия XXI в. порядка 3,0–3,45 млн чел. (рис. 1. 27).

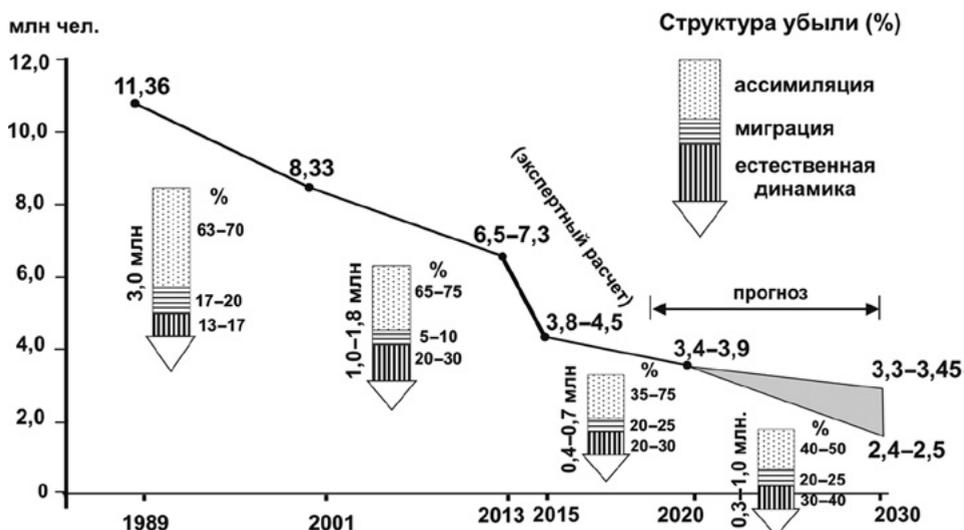

Рис. 1.27. Количественная убыль русского населения Украины и структура потерь, 1989–2030 гг.¹

При негативном сценарии среднегодовые естественные потери русских могут составлять 9–10 ‰; отток – порядка 20–25 тыс. чел. в год; идентификационная убыль в размере 25–30 % биэтнофоров. При таких показателях численность русских на Украине 2020-е гг. сократится на 0,8–1 млн и составит 2,4–3,1 млн чел.

При этом средний возраст русского населения в может увеличиться на несколько лет, что в дальнейшем будет работать на ускорение естественной убыли, которая уже к середине века может привести к переходу от «ползучего» к обвальному по своим темпам сокращению численности русских в стране².

¹ Расчеты автора.

² Но и уже имеющиеся итоги демографической динамики неутешительны. За четверть века государственной самостоятельности Украина потеряла до 2/3 своего русского населения, и, хотя она по-прежнему остается крупнейшим средоточием русских за рубежами России, ее превосходство над Казахстаном сократилось самым значительным образом, несмотря на то, что русское население последнего также демонстрирует устойчивую и достаточно быструю депопуляцию. Быстрая депопуляция русских Украины сокращает и общую численность русского народа. Эти потери отчасти компенсировались обрусением российских

Очерченный демографический сценарий, конечно, не является единственно возможным. Но вероятность его в существующих на Украине социальных реалиях возрастает максимально, не исключены и варианты более стремительной депопуляции русского населения страны.

**Государственный аспект
этнодемографической динамики Украины
(долгосрочные перспективы)**

Как уже отмечалось, динамика численности русских на Украине в среднесрочной и более отдаленной перспективе в значительной степени будет зависеть от самоопределения русско-украинских биэтнофоров – обширной группы, доля которой в населении страны в настоящее время приближается к 30 %. Иными словами, на современной Украине почти треть населения имеет право во время переписи назваться как русскими, так и украинцами.

В настоящее время выбор представителей этого биэтнического множества в значительной степени становится проекцией их гражданской позиции. Патриоты Украины и сторонники украинской государственности в большинстве своем будут самоопределяться как украинцы, русскоцентричные биэтнофоры назовутся русскими.

Но, являясь проекцией гражданской позиции, этничность параллельно становится и заложницей успешности государственного проекта Украины, его комплексной политической, социально-экономической и социокультурной состоятельности. Если данный проект окажется движением в никуда, затяжной стагнацией и пробуксовкой на месте, определенное число биэтнофоров, разочаровавшись в государстве, может разочароваться и в титульной национальности.

В данном биэтническом множестве всегда будет оставаться немало тех, для кого внутренняя борьба двух самоидентичностей не закончена. Даже если эти люди во время одной или даже ряда следующих переписей назовутся украинцами, это мало что изменит, потому что внутренне они останутся дипольны, продолжая сопоставлять две своих этнокультурных составляющих, в т.ч. через проекции, отбрасываемые стоящими за данными идентичностями государствами.

украинцев. Причем данное, всё еще многочисленное сообщество в последние годы пополнилось еще на 2–2,3 млн чел. (украинцы Крыма и республик Донбасса). Таким образом, сальдо русско-украинского ассимиляционного обмена в постсоветский период оказывается более или менее сбалансированным.

А значит, для самоидентификации этой группы не меньшее значение имеет и эффективность/результативность России. Две страны, два национально-государственных проекта – российский и украинский, их комплексное соперничество на десятилетия вперед становятся (уже стали) внутренними факторами национального самоопределения сотен тысяч (а возможно, и большего числа) жителей Украины.

При наличии широкого спектра вариантов возможного соотношения в будущем двух государств и обществ, центральных сценариев всего несколько. В кратком виде они и основные их этнодемографические последствия могут быть представлены следующим образом¹.

1. Успешная в своем социально-экономическом развитии Украина – хронически депрессивная Россия.

Данное соотношение приведет к ускорению демографического сжатия русских общин, которое уже в среднесрочной перспективе (после 2035–2040 гг.) может перейти в вариант коллапса, аналогичного динамике немецких или еврейских общин на постсоветском пространстве, терявших каждое последующее десятилетие 40–50 % своей численности.

При таком сценарии численность русских на Украине, как уже указывалось, может сократиться до 2,4–3,1 млн чел., а к середине века количественно «схлопнуться» до 0,6–1,1 млн чел., что, впрочем, представляется едва ли не самым катастрофическим из возможных вариантов развития.

2. Динамичная Россия – буксующая застойная Украина.

При реализации такого сценария уже в среднесрочной перспективе (к 2030–2035 гг.), даже при сохранении антироссийского социально-политического курса, сокращение внутреннего витального потенциала русских общин может остановиться или упасть до минимума. Притом что у значительного числа биэтнофоров будет сохраняться внешняя этническая маскировка и во время переписи они будут называться украинцами. Однако внутренняя русскоцентричность таких людей будет сохраняться или даже усиливаться. Таким образом, данные будущих переписей, неизменно фиксирующие сокращение русской общины Украины, будут существенно занижать ее реальный социодемографический потенциал, причем наиболее ощутимо – при сохранении антироссийского социально-политического курса страны.

3. Россия и Украина – два застойных/социально экстенсивных государства.

Вариант, при котором обе страны в течение 2–3 десятилетий не сумеют существенно продвинуться в решении своих центральных проблем – лик-

¹ Сценарии даны для русских общин Украины, без учета народных республик Донбасса, этнодемографические тренды в которых во многих аспектах являются противоположными по своему направлению и должны быть рассмотрены отдельно.

видировать/существенно снизить коррупцию, победить массовую бедность и засилье бюрократии, выйти на динамичный экономический рост. В общем, останутся странами, представляющими разные инварианты полупериферийного капитализма, ставшими социально-экономическими и природо-ресурсными придатками более развитых соседей (Украина – Европы, Россия – Европы и Китая).

В этом варианте биэтнофорам Украины придется выбирать между двумя малопривлекательными идентичностями. И если на стороне русской будет мощный бэкграунд большого и яркого исторического прошлого, то на стороне украинской – административный ресурс, давление и все тот же гражданский патриотизм. Сокращение региональных русских общин будет в первую очередь определяться естественной убылью, оттоком и международной брачностью, постепенно размывающей их этнокультурное ядро (и таким образом приближающей стадию ускоренного демографического угасания). При данном сценарии численность русских Украины может сокращаться на 15–20 % каждое десятилетие (до 1,8–2,5 млн чел. к середине XXI в.).

4. Россия и Украина – два успешных государства и динамичных общества.

Сценарий, при котором устойчивое развитие обеих стран позволит ощутимо повысить уровень жизни значительной части населения и будет определять высокую степень его социопсихологического оптимизма.

По своим этнодемографическим последствиям данный вариант может быть схож с предыдущим с той разницей, что биэтнофорам Украины придется выбирать между двумя привлекательными идентичностями. Но естественная убыль, некоторый отток и нарастающее межэтническое смешение представителей русской общины сохранятся в любом случае и будут работать на ее сокращение. Хотя темпы убыли могут быть несколько ниже в силу общего социодемографического благополучия украинского общества (меньших масштабов миграции, большей рождаемости и т.д.).

Исходя из долговременных тенденций социально-экономического развития обеих стран, наиболее вероятным представляется третий сценарий, который в последние 10–15 лет фактически реализуется как в России, так и на Украине. Обе страны развиваются медленно и «анклавно», демонстрируя серьезный рост в пределах ограниченной группы отраслей экономики, за пределами которых доминирующей тенденцией остается стагнация или экстенсивная динамика.

1.7

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДОНБАССА

Подъем на Донбассе весной 2014 г. пророссийского сепаратистского движения, последовавший вооруженный конфликт и запущенный процесс становления самопровозглашенных республик в качестве политически независимых от Украины социумов уже летом этого года обернулись масштабной миграционной волной, имевшей в том числе и этническую составляющую.

Определенная этнонациональная «сепарация» местного населения происходила с начала его интенсивного оттока из зоны конфликта. Украинаоцентричные (в своей массе украинцы) жители Донбасса перемещались в пределы других регионов Украины, русскоцентричное население (с повышенной долей русских) выезжало в Россию.

Таким образом, к моменту стабилизации линии фронта и прекращения активных боевых действий (сентябрь 2014 г.) предварительное этнокультурное размежевание региональных социумов уже состоялось. Хотя пространственный анализ территориальных контуров повстанческого и украинского Донбасса обнаруживает очевидное несовпадение этнических и политических линий военного противостояния, а затем и начавшегося политического размежевания. Масса украинского населения осталась в пределах самопровозглашенных республик, а значительное число русских – на украинской территории региона. Но не вызывает сомнения и тот факт, что осязаемое большинство регионального русского населения приняло сторону ополченцев, а весомая доля местных украинцев хотела, чтобы Донбасс не выходил из состава Украины.

При этом необходимо учитывать и то, что данный регион является территорией с максимально высокой долей смешанного населения. Если даже в пределах остальной Украины биэтническое множество (потомство русско-украинских браков) составляет в настоящее время порядка 30 %, то в Донецкой и Луганской областях к нему может принадлежать до 50–60 % местных жителей. Выбор стороны конфликта таким населением определялся не только внутренними убеждениями, но и суммой конкретных жизненных обстоятельств каждого отдельного человека или отдельной семьи.

Очевидно и то, что социально-политическая судьба Донбасса будет в осязаемой степени определять направление дальнейшей этнодемографической динамики его населения. Значительную часть миграционного оттока из украинской части региона в пределы народных республик и России

с большой вероятностью будут составлять русские (включая смешанное население, этнически идентифицирующее себя как русское). Следовательно, количественный и долевого перевес украинцев среди населения территорий Донбасса, контролируемых Киевом, должен постепенно возрастать (тем более что оставшееся здесь русское и биэтническое население становится объектом комплексной программы украинизации).

Соответственно обратной по своему основному вектору будет эволюция этнической структуры населения народных республик, которые постепенно покидает украиноцентричное население, по крайней мере та его часть, которая осталась после 2014 г. в ожидании возвращения в регион киевской власти. По мере утраты такой надежды территорию ДНР и ЛНР могут покинуть многие десятки тысяч жителей Восточного Донбасса.

Таким образом, в случае закрепления республик в качестве устойчивых административно-территориальных и политических образований в их населении уже в среднесрочной перспективе (к 2025–2030 гг.) могут начать количественно преобладать русские (включая представителей биэтнического множества с русской этнической самоидентификацией).

В конце XX – начале XXI в. в территориальных пределах будущих народных республик Донбасса количественно доминировало украинское население. Согласно переписи 2001 г., на него приходилось 50–55 % всего местного населения, русские составляли около 40 %. К началу 2014 г. данные показатели и их общее соотношение изменились незначительно, и украинцев на данных территориях было по-прежнему больше на $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$. Учтем, однако, что еще в конце 1980-х гг. это соотношение было скорее обратным. В Донецке – крупнейшем центре Донбасса – русских было на 34 % больше (608 тыс. русских против 454 тыс. украинцев), в Луганске – на 27,7 % (288 и 225 тыс. чел. соответственно).

В целом в пределах урбанизированной зоны Восточного Донбасса, включавшей подавляющую часть его населения (порядка 85–90 %), удельный вес русских в 1950–1980-е гг. несколько превосходил долю украинцев и сократился только в постсоветский период, в социально-политических условиях независимой, национально ориентированной Украины, после смещения части смешанного населения региона к своей титульной идентичности. Таким образом, в реальности можно говорить о примерном количественном и удельном равновесии двух национальных сообществ, существовавшем в Восточном Донбассе в последние десятилетия.

Доминировавший в 1990–2000-е гг. тренд этнокультурной украинизации местного населения был в значительной степени внешним, фиксирующим

в первую очередь сумму адаптационно-маскировочных практик, а не реальное этнокультурное самоощущение местного населения, в значительной степени представленного биэтнофорами.

В этом отношении военный конфликт 2014 г. стал для жителей Восточного Донбасса более серьезным этнокультурным водоразделом, потребовавшим от массы людей ответственного и однозначного национального самоопределения, поскольку от последнего теперь в значительной степени зависел выбор судьбы и дальнейшей жизненной траектории.

Данный выбор зачастую и определял направление вынужденной миграции – в Россию или в другие регионы Украины. И то и другое направление выбрали многие сотни тысяч беженцев¹. Порядка 200–300 тыс. выехавших на Украину не вернулись на территорию Восточного Донбасса к концу 2015 г. Очевидно, что основную часть данного множества составляли этнические украинцы и украиноцентричные биэтнофоры, решившие не возвращаться на восток и начавшие укореняться в принявших их региональных сообществах страны.

Таким образом, уже в 2015–2016 гг. соотношение русских и украинцев в пределах народных республик могло заметно «подравняться». Особенно после массового возвращения в ДНР и ЛНР беженцев из российских регионов, представленных в значительной степени русскоцентричным населением.

Наконец, необходимо учесть пошедшую вспять удельную динамику местного биэтнического множества. Мы отмечали, что в пределах всей Украины

¹ Цифры, озвучиваемые официальными лицами Украины и междугородными организациями, значительно выше. К весне 2015 г. число беженцев в пределах страны по данным ООН составляло почти 1,3 млн чел. Основная масса беженцев разместилась в контролируемых украинской армией районах Донецкой и Луганской областей (647 тыс. чел. – более 50 %), а также в прилегающих к Донбассу регионах Украины (в Харьковской, Запорожской, Днепропетровской областях, в которых в сумме было зарегистрировано 333 тыс. чел. – почти 26 % перемещенных лиц).

Таким образом, в непосредственной близости от народных республик находилось более ¼ всех беженцев. При этом самую значительную часть из них составляли пенсионеры. Из 470 тыс. беженцев в украинской части Донецкой области пенсионеров было более 70 %; из 176 тыс. перемещенных лиц, зарегистрированных в контролируемых ВСУ районах Луганской области, – более 75 %.

Подобная возрастная структура, как и сама география размещения этого контингента, дает все основания считать, что реальное число вынужденных переселенцев в пределах Украины было кратко ниже цифры, озвученной специалистами ООН. Как замечает В.В. Волк, «люди живут в Донецке, Новоазовске и Луганске, а по документам «числятся» в Мариуполе, Харькове или Артёмовске, где родственники получают пенсию в банкоматах и правдами-неправдами переправляют её в зону так называемой АТО. Украина неоднократно пыталась закрыть такую возможность выживания людей, но сотрудники пенсионного фонда и соцслужб в основном – люди «свои» – понимающие и сочувствующие своим попавшим в беду согражданам и стараются помочь им» (Волк В.В. Беженцы Донбасса: декларация и реализация // Центр Сулакшина (Центр политической мысли и идеологии). 03.06.2015. URL: <http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-donbassa-deklaratsii-i-realizatsija> (дата обращения: 27.03.2019)).

к 2014 г. до 80–90 % биэтнофоров уже самоопределялись как украинцы. В пределах Донбасса, в котором влияние России оставалось достаточно ощутимым на всем протяжении постсоветского периода, данное соотношение не было столь неравновесным, хотя после четверти века государственной независимости Украины порядка $\frac{2}{3}$ местного смешанного населения могло выбирать титульную национальность. Появление пророссийских народных республик должно было остановить смещение представителей биэтнического множества к украинской самоидентификации. А наблюдаемая в последние годы политическая стабилизация ДНР и ЛНР неизбежно включила обратный этнодемографический тренд.

Учитывая, что в пределах республик не менее половины населения может относиться к данному биэтническому множеству, переход даже 10–15 % его представителей из украинской идентичности к русской может увеличить русское население ДНР на 80–130 тыс. чел., ЛНР – на 50–70 тыс. (и настолько же сократить число местных украинцев). Поэтому есть все основания полагать, что если бы перепись населения в народных республиках была проведена в настоящее время (2019 г.), она уже обнаружила бы некоторый количественный перевес русских (соотношение двух ведущих национальностей с большой вероятностью вернулось бы к композиции конца советского периода).

Учитывая, что реальная численность населения двух республик в 2017–2018 гг. может составлять порядка 2,6–2,9 млн чел. (1,5–1,8 млн – Донецкой и 1,0–1,1 млн – Луганской)¹, русское население Восточного Донбасса в настоящее время может составлять порядка 1,15–1,45 млн чел., украинское – 1–1,15 млн.

В дальнейшем, при сохранении народных республик, данное соотношение будет смещаться в сторону уже обозначившегося русского этнокультурного большинства. Притом что по другую сторону границы, на территориях Донбасса, контролируемых Киевом, этнодемографический тренд будет противоположным.

Таким образом, социально-политическая судьба двух частей региона будет в значительной степени определять дальнейшую этническую динамику их населения. Однако любой из возможных в современной ситуации сценариев демографической динамики Донбасса окажется сопряжен с масштабной убылью местного населения.

Каковы бы ни были итоги противостояния на Востоке Украины, кто бы в конце концов ни оказался победителем, демографические (естественные и миграционные) потери региона, стоившие ему уже порядка 1–1,5 млн жителей, в среднесрочной перспективе обойдутся ему в несколько сотен тысяч человек.

¹ Суций С.Я. Этнодемографические аспекты русско-украинского взаимодействия (Украина и Юг России). Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. С. 255.